

Воспоминания феминистки

Дарья Чеснова

Дарья Чеонова

Воспоминания феминистки

«Автор»
2026

Чеонова Д.

Воспоминания феминистки / Д. Чеонова — «Автор», 2026

Роман частично автобиографический, о реалиях выживания женщины в мире, заточенном под мужчин

© Чеонова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 7
Глава 2 13
Глава 3 25
Глава 4 37
Глава 5 47

Дарья Чеонова
Воспоминания феминистки

Глава 1

Дарья Чеонова

Воспоминания феминистки
Роман
Посвящаю всем женщинам

Глава

Глава первая

Каждому человеку полезно хотя бы раз в год устраивать для себя «день тишины». Пора позаимствовать этот самобытный обычай у народа острова Бали. Каждый год в конце марта балийцы провожают сезон дождей и встречают тропическое лето. В этот праздник местные не работают, не развлекаются, не шумят; некоторые особо религиозные и вовсе закрывают рты на замок для разговоров и пищи. Столь строгая практика нужна для того, чтобы хоть на денек побыть более осмысленными, сосредоточенными, предаться медитации и релаксации и усмирить дух во имя очищения души и перезагрузки разума.

Не назову себя чрезмерно богобоязненной, чтящей формальности или ведомой, однако традиция «дня тишины» как раз по мне. Сегодня один из последних мартовских дней и, сидя в любимом ротанговом подвесном кресле в патио моей съемной виллы в Нуса Дуа, я молча праздную сей знаменательный день, который, возможно, отлистнет для меня новую страницу жизни, ведь Ньепи – так называется данный праздник – словно обнуляет человека и делает его немного иным. Сегодняшняя дождливая ночь, вероятно, была последней в этом сезоне дождей, а огненные закаты наверняка придут на смену темным вечерам и пурпурной палитре небес.

О чем же рефлексировать, когда находишься в зените своей жизни? Мне тридцать пять, мой сын играет у моих ног, нет больше спешки, нет преследования целей, жизнь вполне размеренна и устойчива, и хочется в таком темпе дожить остаток лет.

Я люблю вспоминать… Например, свой тайный дневник с лилиями на обложке, потайным замочком и лавандовыми страницами, в котором записывала свои мечты. Каждая сентиментальная девочка вроде меня бережно заполняет свой дневник цветными гелевыми ручками. Мой был обклеен вырезанными из журналов мини-постерами любимой группы, газетными статьями с громкими заголовками «о них» и напомаженными открытками, которые я мысленно посылала тем, кого любила; туда же был вклеен ветхий надорванный билет с «их» концерта (и самого счастливого дня в моей жизни), на который я чудом попала в двенадцать лет. Да-да, все это было. Ну и конечно же список мечт…

Первая мечта: стать певицей. Не сбылась. Настойчивый внутренний зов и состояние души в вечном полете и вечной музыке побуждали мой голос вибрировать в такт с безудержными влечениями. Моя душа пела, а голос вторил ее желанию, и невозможно было ее сдержать, приструнить. Печали или радости вырывались наружу, им необходимо было выражаться вне меня, где-то за пределами моих телесных границ. Но судьба была неумолима – редкий дефект голосовых связок, при котором мне даже долго разговаривать запрещено, не говоря уже о пении. Таков был вердикт фониатра.

Это было одно из сильнейших разочарований ранимого детства. Все мои пылкие фантазии того времени были связаны с музыкальной карьерой, и никем иным, кроме певицы, я себя не представляла. Мир просто рухнул для меня тогда…

Сейчас, спустя двадцать лет, это не представляется мне блажью и не вызывает смех наподобие разного рода безумных и сумасбродных причуд, воспоминания о которых заставляют внутренности съеживаться от стыда. Это было не по годам взрослое желание, подкрепляемое уроками вокала. Но увы!

Вторая мечта: стать мамой дочери. Я видела себя матерью именно девочки, уже имела представление, как ее назову (именем персонажа любимого романа), смело рисовала в воображении, как буду наряжать ее в милые платья, заплетать косички, прививать хорошие манеры и наделять ее частичкой собственной, не до конца растраченной женственности.

Но у меня родился сын. Первое время я считала это насмешкой судьбы, злой ошибкой природы. Ну почему все не так, как я хочу? Ведь я мысленно вынашивала свою дочурку долгие годы!

У меня невиданной красоты мальчик, похожий на маленького Будду. Ему уже четыре с половиной года, и за это время я примирилась с тем, что он не девочка.

Третья мечта: иметь свой бизнес и стать богатой. Увы, эта мечта не была подкреплена ничем. Я совсем не склонна к ведению столь серьезных дел, во мне нет жилки организатора, лидера и коммерсанта, я понятия не имею, как создаются капиталы и строятся империи. Я простая наемная рабочая, которую устраивает ее нынешняя профессия, а нереализованность в вершинах карьерного роста вполне компенсирована реализованностью любимого дела.

Четвертая мечта: жить в огромном шумном мегаполисе, где у меня, как я надеялась, будут кипеть успешные сделки, а в гонке за деньгами я буду на первых позициях.

Да, об этом я мечтала в пятнадцать лет. То, что эта мечта не сбылась, как, впрочем, и все предыдущие, не разочаровало меня сейчас, не разуверило в том, что жизнь стоит продолжать.

И, наконец, пятая мечта: выйти замуж за человека, которого полюблю. И она тоже не сбылась… Собственно, ей-то и посвящен весь мой нижеизложенный и весьма занимательный (на суд читателя) рассказ.

Я не считаю нужным уделять своим мечтам чересчур много внимания. Да, в минуты медитаций, когда приходится опускаться на дно колодца собственной души, первое, что всплывает в памяти, - детские мечты. В подсознании они как келоидные рубцы – вроде и зажили, но выступающие борозды напоминают о пережитом. Я помню о них, здраво осознаю, что они не исполнились, и сперва кажется, что по этой причине моя жизнь не удалась. Но разочарованной я себя не чувствую. Я живу на райском острове на берегу океана, каждый день имею возможность наслаждаться жарким солнцем, диковинными фруктами, красивыми и добрыми людьми вокруг, дивными рисовыми плантациями и живописнейшими пейзажами, пожалуй, лучшими на планете. Моя жизнь со стороны кажется чьей-то сбывшейся мечтой, вот только почему-то не моей собственной. Все выглядит так, будто судьба распределяла, кому какую мечту исполнить, но отправила это исполнение по перепутанным адресам.

Думаю, немало людей мечтают о тихой жизни в домике у моря, но получают взамен что-то другое. Может, мы неправильно мечтаем? Несомненно, мы сами вершим свои судьбы и сами идем к цели (я вовсе не пытаюсь оправдать бездействие и списать все на фатализм), но все контролировать невозможно. Всегда вмешиваются обстоятельства, которые корректируют твое направление. И на ум приходит догадка: если чья-то мечта сбылась у меня, значит, у кого-то где-то сбылись и мои мечты. Где-то на другом конце земного шара наверняка живет девушка, обладающая непревзойденным голосом, она стала известной певицей, но, возможно, мечтает скрыться от навязчивой популярности и узнаваемости на каком-нибудь удаленном от суеты островке в маленьком домике.

Где-то живет женщина, у которой родилась дочь, а она всю жизнь мечтала о сыне.

Может быть, таким образом судьба подсказывала, что для меня лучше, чтобы уберечь меня от величайшего разочарования в жизни? Может быть, я выбирала неправильные, неподходящие мне мечты? Может быть, провидение просто пыталось мне намекнуть, что будь я богатой бизнесвумен, я мечтала бы о том, что у меня есть сейчас?

Я безумно люблю то место, где мы с сыном живем уже полтора года. Мне нравится, что больше в моей жизни нет зимы, что совсем рядом завораживающе и бурно шумит океан, что я могу в любое мгновение, когда захочу, блаженно посасывать любимый кокос из трубочки, что могу полной грудью вдыхать дурманящий воздух, наполненный свежестью, жарой и зеленью, что превратила свою жизнь в вечный курорт и взошла на пик довольства собой. Я сыта жизнью, получив от судьбы чужой дар, словно она преднамеренно украла его у кого-то, кто лелеял его

для себя. Взамен я расплатилась своими мечтами, взлелеянными в уязвимом и нежном детстве. У судьбы были на меня другие планы, и я все равно благодарна ей за все.

Почему я раньше желала другого? Ну к чему мне сейчас мегаполис, пыльные офисы, строгие костюмы, погоня за прибылью? Пожалуй, тихая жизнь подходит мне как нельзя лучше.

Певица? Частично я реализовала эту прихоть: я пою колыбельные своему сыну. Он обожает их слушать, и для него сейчас я – лучшая певица. А также я люблю подпевать за хитами любимой группы. Да, это не музыкальная карьера, но зову души я стараюсь воздавать дань.

И почему это раньше я считала дочь пределом своих материнских грез? В конце концов, чем плох сын? Сейчас я никого уже не представляю рядом, помимо него.

Итак, на данный момент я испытываю полную гармонию и абсолютное удовлетворение жизнью.

Но так было не всегда…

Школьные годы. Мне около десяти лет. Я мечтала поскорее расстаться с детством, достичь восемнадцатилетия и выйти замуж. Почему-то мне казалось, что к восемнадцати годам у меня непременно будет тот самый любимый человек, который наречен стать моей «второй половинкой» (тогда была в моде теория о двух половинках). Я отдавала себе отчет в том, что такого человека люди порой и за всю жизнь не находят, но мне казалось, что он у меня к этому возрасту уже появится, просто потому что я – это я. Мне обязательно должен встретиться человек с родственной душой, потому что у меня есть красота, ум, способность любить и притягивать к себе все прекрасное, высокая мораль, безупречное воспитание, и я в целом преисполнена достоинств. Таких редких людей, как я, просто раз, два – и обчелся. И поэтому мне, несомненно, повезет: любовь всей моей жизни ворвется в мой идеальный мир, ведь я так этого хочу!

Почему же другим не удается обрести ту самую любовь всей жизни? Нет ничего проще и объяснимее: они недостаточно этого хотят, они не направляют зов во Вселенную, они не считают себя достойными, они не умеют любить. Ну что сложного в жизни? Почему взрослые все так усложняют? В десять лет мне казалось, что уж у меня все будет иначе, ибо я достойна.

Я мечтала о любви, хотела выйти замуж и жить с любимым человеком до конца наших дней, растить общих детей, каждый день признаваться в любви друг другу и не знать проблем тех, кто по глупости или нелепой случайности сошелся не с тем человеком, ведь любовь должна решать все проблемы, а если эти самые проблемы есть, значит, это не любовь. Самая простая формулировка, лаконичный и ясный запрос во Вселенную. Разве я желала чего-то сверхъестественного?

Не буду корить себя за то, что в десять лет мое мышление было таким категоричным и однобоким. Я идеализировала и упрощала свое представление о жизни, как любой ребенок. Вот только к восемнадцати годам не изменилось мое влечение к высокому чувству. Я по-прежнему ждала любви, но она ко мне не пришла. Моя душа была открыта светлому и прекрасному, но человек, которого я так надеялась встретить, мне просто не встретился. Он не встретился и к двадцати годам, и к тридцати, и к тридцати пяти… Он просто не посетил мою жизнь. И не было ему никакого дела до того, что он зримо присутствовал в моих планах, что я так призывно ждала его к восемнадцатилетию, что хотела создать свою семью и жить счастливо, как живут миллионы других одинаково счастливых людей.

В детстве кажется, будто закон жизни един и незыблем для всех: каждый получает то, что заслуживает. В школе нам обещали, что если учиться хорошо, то ты гарантированно в будущем найдешь престижную высокооплачиваемую работу и будешь жить в достатке, ведь оценки в аттестате определяют твое будущее. Мама твердила, что если я буду ухоженной, воспитанной и хозяйственной, то непременно удачно выйду замуж за лучшего представителя мужской расы. Медицинские журналы внушали, что если вести здоровый образ жизни, то у тебя будут здоро-

вые дети и тебе будет легче их выносить и родить. Общество уверяло, что если быть проще и податливей, то тебя все будут любить и все двери будут для тебя открыты. Телевизор пропагандировал, что если жить скромно и не высовываться, то прослывешь добропорядочным гражданином и законопослушным патриотом своей страны.

Но лишь с возрастом начинаешь понимать, сколько во всем этом лжи. Везде сплошная фальшь. Никто не говорит правду, всюду лишь обещают идеальную жизнь. Двоечники устраиваются в жизни получше отличников. Воспитанные и хозяйственные девочки становятся жертвами домашних тиранов и жалким посмешищем на распутье зря потраченной жизни. Здоровый образ жизни не гарантирует защиту от внезапно возникших патологий в деторождении и не влияет на поломки генов. Простые и податливые обыватели рассеиваются и обезличиваются, уносимые волнами политики. Миф о всеобщей любви и всюду открытых дверях разбивается о факт, что, по большей части и по правде говоря, всем на тебя наплевать. А если слыть добропорядочным, нигде не замеченным гражданином, то рискуешь невольно стать пешкой в чужой игре – незавидная участь для того, кто ценит свою единственную и неповторимую жизнь.

Но в десять лет все это еще недоступно для понимания. Я верила в свои идеальные мечты и ждала их неминуемого исполнения. Жизнь казалась такой простой и понятной. Ну что могло ее усложнить? Ведь главное – желание. Если я мысленно наколдую себе свое идеальное будущее, то законом материализации энергии все желаемое случится со мной тогда, когда я прикажу ему случиться.

Но ни моя красота, ни мое воспитание, ни способность любить, ни даже самозабвенное неиссякаемое желание не помогли мне обрести счастье женщины, которую любят. Как показала практика, счастье – это лотерея, и порой джек-пот достается тому, кто с виду вовсе не старался его заполучить. Все тот же эффект «чужой мечты». Я годами лелеяла мечту для кого-то другого.

Каждый получает то, что получает, а не то, что заслуживает. Вот закон жизни.

Каждый ребенок впитывает опыт и наставления своих родителей. Хорошо, когда у ребенка есть полная семья, в которой соблюдена гармония инь-ян, и ребенок способен сам сделать правильные выводы о том, как же все-таки устроена жизнь, подтверждены ли теории обоих родителей на практике или же точка зрения какого родителя более верна. Но очень часто бывает так, что ребенок воспитывается одним родителем, и тогда он вынужден на слово верить его авторитету и идти по его стопам вплоть до первой набитой шишки. Однобокое воспитание в большинстве случаев искажает восприятие реальности, и такой ребенок совершает больше ошибок, чем совершил бы тот, кто воспитан в полноценной семье.

Что может привить дочери одиноко воспитывающая ее мать, если ее собственная жизнь далека от идеала, а количество совершенных ею ошибок унаследовано от ее недавних предков? Я не виню свою мать в неправильном воспитании, ведь она не имела иного представления о том, каким могло быть это воспитание. Благими намерениями была устлана моя дорога в жизнь, как и у множества девочек моего поколения.

Одинокие мамы, личная жизнь которых не сложилась, торопятся восполнить утрату в своих дочерях. Они искренне желают им женского счастья и вбивают в их головы неписаные премудрости и правила, следования которым спасут их чадо от участи несчастной жены, брошенной матери-одиночки, старой девы, разведенки или, что не дай бог, феминистки, носящей свой титул с гордо поднятой головой. Последняя стезя кажется им особенно жестокой, ведь счастье женщины – в нахождении мужчины рядом. Хоть какого-нибудь мужчины. Пусть он будет хоть лентяем, приспособленцем, паразитом или диванным патриархом, но главное – чтобы он был. Иначе женскую судьбу можно считать загубленной и бесполезной, ведь женщина не исполнила свое главное предназначение – быть музой для творца и лоном для дитя.

Все мамы желают своим дочерям лучшей доли, чем досталась им. Это не отнять. Это естественное и искреннее желание любой нормальной матери.

Этого желала и моя мать. Но увы, ее старания привели почему-то к обратному эффекту. Она пыталась сделать все для моего счастья с искомым любимым человеком, но счастье я нашла наедине с собой. Мать считает мою жизнь полным крахом и даже не подозревает, что самостоятельная жизнь без любимого мужчины, наконец, после долгих мытарств, принесла мне удовлетворение. Ей не дано понять, что я могу чувствовать себя счастливой наедине с самой собой, со своей личностью, со своим успехом в долгом обретении себя. Она считает мою судьбу полнейшим фиаско как для меня, так и для своих ожиданий, виня себя в недоработке, словно все ее усилия по превращению меня в счастливую женщину пошли прахом.

Мать с детства приучала меня к порядочности и хозяйственности, чтобы я была готова во всеоружии встретиться с будущим суженым, а он бы оценил мои навыки и счел бы меня достойной партией для создания семьи и рождения детей. Я училась готовить пищу, убираться и быть покладистой, готовой в любую минуту обслужить моего повелителя и всячески ему угодить. Я мечтала о любви, но мама прививала мне практические навыки, ибо на одних чувствах семью не построишь. Любовь любовью, но если муж не будет сыт, то здесь не до сантиментов.

Я верила матери на слово и покорно осваивала ее обучение, не задумываясь о том, что эти умения ее саму не привели к счастью. С моим отцом она рассталась быстро, а другие мужчины ей не встретились. И это несмотря на то, что она виртуозно готовила пищу и аккуратно содержала дом.

Мне были скучны эти домашние учения, мне не нравилось за кем-то ухаживать, быть кому-то полезной, нарочито угодливой, чтобы в назначенный час пройти суровый отбор и выиграть жесткий конкурс. Многое у меня и вовсе не получалось, но строгие наставления матери и обещанное счастье с милым мужем впереди останавливали меня тогда от своевольности, от попыток свернуть с «правильного» пути и пойти по зову авантюрного сердца.

Географ, единственный мужчина в школьном учительском коллективе, как-то обронил фразу, которую мы, доверчивые девчонки, должны были непременно принять на веру и поставить во главу угла, как неукоснительный постулат, как важнейшее напутствие на будущее: «Когда вы впервые пригласите к себе в гости парня, первым делом накормите его!» Мне померещился странным и даже несуразным этот совет. Нелепый стереотип «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок» всегда воскрешал в моей памяти ассоциацию с рисунком из учебника биологии: строение пищеварительного тракта и рефлексы собаки Павлова… Все мое нутро восстало тогда против этого наказа, однако, когда я выразила свое возмущение и несогласие замечанием: «Но я не хочу, чтобы он приходил ко мне пожрать!», меня зачем-то подняли на смех и упрекнули в бесхозяйственности и отсутствии женского такта, а также посулили мне горькое одиночество и жалкий финал старой девы…

Иногда я задумывалась о том, что если есть любовь, то остальное не так уж важно. Если мы будем любить друг друга, то сможем вместе вести домашний быт, готовить друг другу пищу и ухаживать друг за другом. Но такие минуты моего просветления тотчас же пресекались матерью: она твердила, что все это должно лежать на плечах заботливой женщины, что именно женщина должна хранить очаг и ждать мужа, готовая ему услужить. Ну что же, в десять лет я верила в это, как в непререкаемую истину. Точнее, меня заставляли в это верить. И не было рядом никого, кто бы это опроверг.

Меня натаскивали быть услужливой, покорной, аккуратной и скромной. Мне прививали любовь к труду, любовь к детям, любовь к мужчинам. Любовь к чему угодно, но не любовь к себе. По заверениям матери я должна была быть удобной для других и любить всех, кроме себя. Любить себя возбранялось и считалось эгоизмом, недопустимым бесстыдством, невиданным нахальством, высокомерной дерзостью. Но моя мать могла обучить меня только тем качествам и умениям, которыми обладала сама. Обучить меня тому, чего она не умела, она не могла. Стоило ли ее винить за это?

Синдром хорошей девочки – опасная смесь перевернутой морали. Желая добра дочери, мать обрекает ее на непредсказуемые превратности немилостивой судьбы. Жизнь на «пятерку» - риск оказаться в западне у собственных подавленных желаний и боязни сказать «нет», риск стать обезличенной, бледной копией себя на потеху любителей прибрать к рукам и подмять под себя благостные порывы и воздушно-трепетные устремления нежной нимфы, попустительство которой в отношении самой себя приводит к плачевным последствиям вроде предоставления себя во всеобщее пользование. Хорошая девочка стремится угодить всем и теряет себя в объятиях падких на наживу ублюдков. Желание нравиться всем выходит боком этой наивной пташке. Мужчинам по нраву такая податливость, тогда как для женщины – это прямая дорога в никуда.

Я вовсе не намекаю на то, что только любовь к себе определяет будущее счастье с любимым человеком. То, что я еще не умела любить себя, не послужило причиной того, что мне не встретился тот самый мужчина моей мечты. Множество женщин, любящих себя, не находят счастья в отношениях с мужчинами; множество женщин, не любящих себя, сразу встречаются со своими «вторыми половинками». Это все та же лотерея и правда жизни. Что бы женщина ни делала, какой бы ни была, она никогда не будет до конца знать, испытает ли она счастье быть любимой.

Но лишь с годами я поняла, что мое неумение любить себя сыграло свою фатальную роль в моих отношениях с мужчинами. Сейчас, полюбив себя, я все так же одинока, но прежние истории могли бы не быть такими переломными и трагичными, если бы навык любви к себе прививали мне с младых ногтей, как наиважнейший нарратив перед шагом во взрослую жизнь.

Маленькой девочкой я училась быть живой мечтой для своего будущего мужчины. Раз мама так сказала, значит, это и есть один-единственный путь к его сердцу. И ничего, если я буду обезличенной домохозяйкой; зато я буду счастлива. Этот вид счастья я готова была предпочесть гордому одиночеству «влюбленной в себя» феминистки, даже не задумываясь, что феминистки, вообще-то, тоже бывают счастливы в браке. Феминизм представлялся лютым злом, замужество – высшим благом. Тогда я еще не имела ровно никакого понятия, что значит настоящий феминизм и что значит настоящее замужество. Я просто мечтала о любви.

И лишь недавно я поняла, что все в жизни определяет любовь к себе. Ни годный аттестат, ни престижный диплом, ни исключительный талант, ни даже удачное замужество не сделают женщину по-настоящему счастливой. Если нет любви к себе, то все остальное теряет силу.

Глава 2

Глава вторая

Каждый будний день перед уходом на работу я оставляю своего сына с частной воспитательницей. Молоденькая миловидная девушка лет двадцати пяти живет в смежном районе неподалеку от нашего дома, ей ничего не стоит добраться до нас за пять минут. Я разыскала ее по совету соседки – вездесущей и всезнающей добродушной старушки. Девчонка искала работу с лучшим заработком, чем был у нее ранее в местной забегаловке, и я предложила ей заниматься с моим сыном. Оказалось, что она – просто находка для моих требований: владеет английским, любит детей, с первого взгляда пришлась по вкусу моему непредвзятому, но довольно строгому чутью и сразу нашла общий язык с моим сыном. Он прозвал ее «няня Прита».

Когда мы только поселились на острове, обживались связями и пускали корни, первое, что нужно было сделать, - это обеспечить досуг сыну. Ему было три года. Идею определить его в балийский детский сад я отмела тотчас, ведь адаптироваться полу-иностранному ребенку среди здешних детей было бы куда тяжелее. Ближайший сад предлагался без английского языка и только для местных, а сад с английским уклоном и для русскоговорящих детей находился чересчур далеко от нашего дома. Общественный транспорт на острове развит не настолько, чтобы каждое утро, часами выжидая нужный автобус, вовремя попадать к первому занятию. А личный байк я пока приобретать не планирую.

Прита – настоящее сокровище. Я воспитываю сына билингвом, поэтому англоязычная воспитательница – лучшее, что подвернулось мне на пути в поиске бебиситтера. С ней он беседует по-английски, а со мной – по-русски. Прита полноценно заменила нам педагога. Она занимается с ним рисованием, лепкой, читает ему книги и играет – все, что нужно ребенку для гармоничного развития в его возрасте. Конечно, вскоре я собираюсь отдать его на танцы, чтобы он быстрее приобрел хобби. Танцы – это пока моя прихоть. Едва он появился на свет, я почему-то сразу разглядела в нем будущего танцора. У моего сына грациозная, поджарая фигура и природная гибкость. Осталось подыскать ему танцевальную секцию.

По утрам Прита приходит в наш дом и заступает на работу. Она занимается с моим сыном до тех пор, пока я не вернусь домой. График у меня ненормированный, но нас обоюдно все устраивает. Лучшего места работы и более благодарной работодательницы ей все равно не найти.

Оставив сына с няней, я отправляюсь на работу. Какое блаженство каждый день сбегать по залитой солнцем каменной брусчатке под моим окном, здороваться с подмастерьями на первом этаже, приветствовать взлетающие и садящиеся самолеты в ясном небе над самой головой, предсказывать погоду по оттенку восхода, пинать податливое плетеное кресло, махать рукой торговцам фруктов на противоположной стороне улицы и мчать на любимую работу в ожидании свежих новостей и историй!

Работаю я в роскошном спа-центре богатейшего района острова, в котором отдыхают изысканные туристы со всего мира и который не впускает в свои чертоги простых смертных. По крайней мере, так может показаться при первом взгляде на традиционные балийские расколотые ворота, возвышающиеся перед входом будто в священный храм. Эти ворота словно символизируют доступ в рай. Так оно и есть. Отель, бассейн, парк, пруд и мини-зоосад – это истинный райский уголок для экспатов и любителей приобщиться к богоизбранным.

На последнем этаже отеля-великана расположено мое рабочее место – массажный кабинет. Здесь я – полноправная хозяйка. Я обустроила отведенное мне ведомство таким образом, чтобы и мне, и моим клиентам удалось хотя бы на полчаса забыть о жаре, о насекомых, гекконах

и вообще о мире вокруг. Войдя в кабинет, мой гость просто обязан моментально погрузиться в синхронный мир, где его ждет нега, расслабление, отключение мыслительного потока, успокоение разума и оставление всех проблем и неприятностей за дверью. Всему этому волшебному состоянию способствуют чуть слышная ненавязчивая музыка в азиатском стиле, полузашторенные окна, парящие благовония, кондиционер и конечно же мои чудо-руки, ублажающие молящие о расслаблении части тела.

Большая часть моих клиентов – русскоязычные. Когда они узнают, что местная массажистка – их землячка, они с удовольствием спешат посетить мой волшебный кабинет, где можно не только размять затекшие мышцы и снять напряжение, но и насладиться приятной беседой. Обычно я немногословна с моими клиентами. Я позволяю им выговориться и лишь вставляю в их монолог несколько ободряющих реплик, не пряча при этом и свою точку зрения, но не навязывая ее. Таким образом у нас получается что-то вроде психо-сеанса, но платят они, разумеется, только за массаж.

Итак, приходя на работу, первым делом я изучаю график записей на сегодня. Я забираю его на ресепшене и, войдя в лифт, по пути наверх мельком пробегаю глазами данные сегодняшних клиентов, с которыми мне предстоит поработать: имя, время, вид массажа, отдельные требования (если они есть). Клиенты у меня богатые, поэтому мне часто приходится исполнять кое-какие их внезапные капризы, как-то: выбранная ими музыка или без музыки вовсе; кромешная темнота, нарушаемая свечами, либо проникновение балийских солнечных лучей сквозь щели оконной портьеры; приятная беседа либо полное безмолвие, если человеку вздумалось отдохнуть от внутреннего и внешнего диалога и подержать рот на замке, ведь в быстром и деловом мире это практически невозможно. И конечно же действует единое правило для всех – никаких смартфонов. Предупреждение об этом висит в виде таблички на двери моего кабинета.

Помимо тех, с кем я уже успела познакомиться, в сегодняшнем расписании значится только одна новая клиентка, она же моя соотечественница. Обычно отдыхающие посещают меня не единожды, а примерно два или три раза в неделю. Как правило, никто меньше, чем на месяц, на остров не прилетает, поэтому мне приходится иметь дело с долгосрочными постояльцами. Память у меня хорошая, к людям я отношусь по долгу службы не как к куску залежалого мяса, из которого можно лихо смастерить отменную отбивную, а как к личностям, поэтому запоминаю предпочтения и нюансы каждого. Я работаю на райском острове в презентабельном отеле и понимаю, что мой массаж тоже призван быть частью этого рая. И делаю я это не из чувства долга и жажды наживы, а из искреннего интереса к живым людям и желания доставить им удовольствие. К тому же, я обожаю свою профессию и живу ею, получая взамен благодарственную энергию людей, которые излучают искренность в ответ.

Новая клиентка была первой в моем графике. В кабинет вошла женщина лет пятидесяти, притащив за собой следом груз болячек и последствий нездорового образа жизни. Мой зоркий глаз наметан достаточно, чтобы с виду определить, какими вредными излишествами человек потрепал свое здоровье. Рыхлое тело, глубокие морщины, отечное лицо. Избыток соли, злоупотребление жирами, фастфуд, собачья работа на износ… Впрочем, спрошу сама, что ее ко мне привело.

- У вас заявлен массаж спины… - поспешила я сразу после приветствия, заглядывая в график.

- Да, почти, милая, - дама не была испорчена ни каплей снобизма, что сразу расположило меня к ней. – Я сказала так вашему администратору, но решила вам лично уточнить… На самом деле, я хочу, чтобы вы размяли мне мой вдовий горб. Знаете, сейчас все бегут наперегонки за молодостью. А эти молодые парни… Хочется ради него быть еще годной. А мой срок годности истекает, увы…

- О, понимаю. Вы встретили молодого парня и хотите ему понравиться?

- Угадала, - она самовольно перешла на «ты», и мне это чертовски понравилось. – Знаешь, мне пятьдесят два, а моему новому знакомому только двадцать пять. Я привезла его на отдых за мой счет, и ему очень нужны мои деньги, я знаю об этом. Но ведь и мне нужно молодое тело, а за него нужно платить!

- Прошу вас, - я указала ей на наше рабочее место.

Дама улеглась на живот, оголив верх. Я аккуратно собрала ее выжженные аммиаком рыжеватого оттенка волосы и заколола их крабиком. Затем налила на руки массажное масло и принялась втирать его в спину клиентки, разогревая кожные покровы. Ее кожа была покрыта пигментными пятнами и не указывала на холеность, скорее, наоборот. Видимо, эта женщина всю жизнь трудилась, не покладая рук, и часто обгорала на солнце. Конечно, сказался еще и возраст.

- Разбить вашу холку я вряд ли сумею, - надиктовывала я, принявшись за дело. – Вы же понимаете, что это не комок нервов и не сбитые ткани. Это жировые отложения, которые убираются сбалансированным питанием и спортом…

- Я все понимаю, милая. Ты просто позволь мне расслабиться. Говорят, у тебя чудные ручки.

- Этого не отнять, - улыбнулась я.

Я принялась массировать ее затекшую шею и почувствовала знакомую податливость человека, который отдается мне целиком и отключается от внешнего мира. Хороший знак, когда клиент становится пластилиновым в моих руках – значит, массаж эффективен и клиент удовлетворен.

- Знаешь, это так здорово, - прервала она свое забвение спустя десять минут неги. – Просто лежать и наслаждаться, и не думать ни о чем. Так редко такой момент выдается… Сама себе поражаюсь, до чего себя довела. Раньше и мечтать не смела о массаже. А теперь лежу тут, а меня массажируют, как королеву!

- А что же раньше? – у меня был искренний интерес к этой даме.

- Раньше? Ишачила всю молодость как проклятая. Света белого не видела. Не ездила никуда, не могла себе ничего такого позволить. Замуж выскочила рано за первого попавшегося, думала, надо брать этого, а вдруг одна останусь. Почему мы, девочки, так себя не бережем? Так и жила, как все. Надоевшая работа, нелюбимый муж, домашняя рутина, сын… Каждый год одно и то же. Все время недовольная была. Никто не понимал, чем недовольна. Что тебе еще надо? Все же есть. Все как у всех… А мне все равно все не нравилось! Как будто впустую живу.

- И однажды вы захотели все изменить, - догадалась я.

- Да, причем все-все! С мужем захотела развестись, но он не дал развода. Я плюнула на все и просто ушла от него. Так и остался штамп в паспорте. Да и черт с ним! С работы ушла. С подружкой свое дело открыли. У нас свое турагентство теперь. Сын давно взрослый, женился. Чем не время пожить для себя? Тем более, деньги теперь водятся. Без денег-то была бы я просто баба за пятьдесят. А с деньгами и парень молодой и красивый нарисовался…

- Где это вы его подцепили? – к историям про альфонсов я всегда отношусь скептично и настороженно…

- Когда агентство открыли, нужно было опробовать самой несколько туров. Впервые за границу полетела. В пятьдесят-то лет! Сначала был Тунис, затем Египет, потом Израиль. Ну а в Испании я встретила его… Пляжный мачо, просто услада для дамочек вроде меня. Когда увидела его, подумала, а почему бы и нет? Разве я не заслужила наконец хоть какую-то радость в этой жизни? Мы нашли друг друга. Ему нужна была щедрая заступница, а мне – молодость. Я готова была платить деньги за этого мальчика, обмана не было с обеих сторон. У нас все по договоренности. И нас это устраивает. Он не водит меня за нос, не врет о любви, уважает меня. А я наконец-то чувствую себя женщиной, и все по моим правилам. Деньги у меня, значит, я решаю, когда мы встречаемся, куда летаем, как отдыхаем. Да, в патриархальном мире женщине

стыдно платить за мужчину, но мне чхать на эти правила. Если я счастлива, то все не имеет значения. Я слишком долго жила по никому не нужным, дурацким установкам…

- И вы чувствуете себя счастливой, зная, что этот парень бросит вас, если у вас опять не будет денег?

- Такого не случится. Деньги будут всегда. С бедностью покончено. Я так решила. А если все же мое агентство смоет цунами, то мне будет уже не до мальчика, - простодушно ухмыльнулась дама. – Я забуду о нем, как и он обо мне. А сейчас я предпочитаю жить сегодняшним днем. Наслаждаться солнцем, океаном, пальмами. В номере меня ждет мой Аполлон, который никуда не убежит от своей мамочки. Я наконец-то полюбила себя, и теперь все играют по моим правилам. Даже ты, милая, сейчас работаешь на меня, ведь я плачу за твой массаж.

- Я с удовольствием поработаю на вас, но после моего сеанса я буду снова играть по своим правилам. Так что в моем случае это временно. А вот у вашего мачо это на постоянной основе. Вот в чем разница.

- Верно, милая. Всегда играй по своим правилам. Только не по мужским. Я наслаждаюсь тем, что мой мальчик у меня на привязи. Перелом патриархата! - мы заговорщически похихикали, как две хитрые, но вполне безобидные сплетницы.

Ее рассказ послужил якорем для болезненных воспоминаний... Что-то похожее было и у меня. Когда-то. Но лишь отдаленно похожее. Меня слегка напрягла и сбила с толку эта беседа, но я уже научилась держать себя в руках при приливах беспощадной памяти. Однако здесь явно попахивало местью мужчинам за украденные годы. Эта дама содержала молодого альфонса из желания перехватить власть в свои руки и ощутить, наконец, это манящее величие вседозволенности исстрадавшейся женщины, чью волю подавлял царящий в обществе культурный гнет. Однако я не стала углубляться в философию и вводить ее в курс своих догадок.

- Меня, признаться, немного удивляет ваша интерпретация любви к себе, - решила я подвести тему ближе к тезису. – Вы оплачиваете капризы мальчика в обмен на его молодое тело, осознаете, что он с вами неискренен и его держат рядом с вами только деньги. И вы утверждаете, что все это вы совершаете из любви к себе?

- Милая, ну не из любви же к нему, - снова рассмеялась дама. Ее самоирония подкупала меня. – Если бы я не любила себя, я бы верила в то, что этот мальчик любит меня, что его совсем не привлекают мои деньги, что его чувства к пятидесятидвухлетней не первой свежести женщине самое бескорыстное. Но между нами есть договор. Между нами оговорены условия! И эти условия оговаривала я. Здесь я – королева игры, а он в зависимом положении. Он меня не использует, а я не позволяю собой пользоваться. У меня нет пелены на глазах, я вижу всю суть вещей. Он не выманивает у меня деньги, я сама их ему даю. Когда хочу, - лукаво прибавила моя клиентка.

- Да, когда у женщины есть финансовая независимость, она может все себе позволить, и весь мир у ее ног, - сделала вывод я.

- Все, в чем была обделена. Я слишком долго была зависимой. Приходилось подстраиваться под всех. Если ты живая, рано или поздно это тебе надоест. А если не надоело, значит, ты уже мертва!

- Очень убедительно звучит, - я уже восхищалась этой женщиной. – Но вы ведь все равно хотите стать лучше для своего парня. Не лукавьте. Вы все равно хотите ему понравиться. Вы сами сказали.

- Ну я ведь женщина. Это простой инстинкт. Это не значит, что я не уверена в себе. Мне хочется, чтобы и моему парню было приятно. Это всего лишь дополнение. Женщина должна ухаживать за собой.

- Как и мужчина, - вставила я.

- В точку! Уход за собой – один из признаков любви к себе.

Я была вполне удовлетворена сеансом и беседой с этой женщиной. Несмотря на то, что она – мамочка для альфонса, я находила в этом свою прелесть, ведь она действительно не позволяет никому собой пользоваться; она всего лишь покупает себе удовольствие. Кто ей это запретит? И вообще, кому какое дело до того, чего хочет уставшая от вбитых шаблонов женщина? Такая новообращенная прелестница имеет право на все. И кому какое дело до чужого счастья, если человек просто живет, как ему хочется, и никому не мешает? В конце концов, счастье у каждого свое.

Прощаясь, дама похвалила мои способности к ублажению тела и пообещала еще не раз заглянуть ко мне в кабинет. Она поделилась со мной своей тайной: на этом острове ее ждали аж два медовых месяца! Поистине дама, будучи всю жизнь подконтрольной мужчине и сумевшая взять вожжи правления в свои руки, теперь готова на все. Что ж, ничего, кроме восхищения и понимания, я к ней питать не смела.

Весь этот день меня не покидало послевкусие от весьма своеобразной любви к себе этой дамы. Меня донимали фантазии: как же выглядит и что из себя представляет этот ее чудо-самец? Наверное, он неземной красоты метросексуал с идеальным торсом и непревзойденными умениями по части плотской любви, не меньше. За такой драгоценный товар, несомненно, нужно платить. Тем более, если нашелся идеально подходящий покупатель.

Мне импонировала эта женщина, а ее месть нисколько не вызывала у меня осуждения либо непонимания, но представить себя в похожей ипостаси я не смела. Роль большой мамочки точно не по мне. Я бы никогда не платила за подобного рода удовольствия, тем более, не содержала бы мужчину. Даже если бы мне дьявольски не хватало этого весьма переоцененного удовольствия, я бы никому не позволила жить за мой счет. Я бы предпочла искать удовольствие в чем-то другом. В том, что эта дама любит себя, у меня не оставалось сомнений.

Но так было не всегда…

Мне было около тридцати, когда я познакомилась с парнем из средней Азии. В ту пору жизни я победно расположилась на пике своего физического совершенства. Три раза в неделю – строгая систематическая муштра и слаженный режим – тренажерный зал, где меня курировал личный тренер, помогая мне создавать атлетическое тело мечты: тело девушки со спортивного постера, висящего на входной двери в эту пыточную преисподнюю (по правде говоря, я всеми фибрами души презирала эти чертовы степперы и гантели). Каждый раз, входя в клуб, я пускала слюнки, завистливо обводя глазами ее упругие смуглые формы в каплях пота, что придавало мне отваги и мужества продержаться каждую последующую тренировку (экзекуцию). Ее разогретое, будто подкопченное в духовке и смазанное маслом тело излучало силу, молодость и здоровье, что не могло не мотивировать меня стать такой же. Грамотно распределяя нагрузки, мой тренер последовательно (и безжалостно) их увеличивал и давал рекомендации, как мне следует питаться, чтобы не запороть результаты. Мы оба неукоснительно шли к цели, будто готовили меня к олимпиаде. Но ни к каким соревнованиям я не готовилась, кроме разве что соревнования с самой собой. Я вознамерилась стать лучшей версией себя. Мне необходимо было самоутвердиться в понимании того, что в тридцать лет я выгляжу лучше, чем в двадцать, и поэтому годы прожиты не зря. На лицо работа над собой! (На лицо дурацкий пунктик на возрасте!)

Да, был в моей жизни такой период… Поднимая гантели, я любовалась собственными бицепсами в зеркалах спортзала, и тогда мне казалось, что ничто и никто не сможет меня сломить, я настолько сильна и непобедима. Мои мускулы все четче прорисовывались, а рельеф моих натруженных форм все ярче отблескивал искорками скорой победы. Я чрезвычайно хорошо выгляжу, а значит, никто не в силах повергнуть меня, подчинить своей воле или как-либо меня опередить. Но так мне только казалось…

Обычно я не отвлекаюсь на пыхтящих качков и фанатиков спорта, уж тем более на новичков, ведь в спортзале у каждого свой путь и своя цель. В этой стихии каждый выживает как может, не стоит обращать внимания на неумелые рывки начинающих, чей запал гаснет спустя пару занятий, и на потуги матерых бодибилдеров (за жилистые мускулы я почему-то мысленно прозвала их «жареными кузнечиками»), чья жизнь подчистую подстроена под жесткий режим. Но только не в тот раз. Один новичок все же привлек мое внимание. Он был непозволительно красив, настолько, что у меня пересохло дыхание даже после глотка воды с аминокислотами, и силы мои меня подвели, когда я показушно попыталась добавить веса в утяжелитель. Я была уверена, что адреналин удвоит мои силы, и я вытяну все до последней железяки, но иногда бывает так, что стрессовый гормон словно покидает мышцы и перетекает целиком в перекачку крови. Мое сердце клокотало как сумасшедшее, и мышцы отказали мне в тяге. В тот день утяжелители рухнули вниз, издав оглушительный лязг.

Он также заметил меня. Не во время грохота железа, а раньше, так мне показалось. Моя тренировка оканчивалась на полчаса раньше его, и, уходя из зала, я уловила его говорящий и слегка сальный взгляд: «Дождись меня!».

Полчаса ждать не пришлось. Он поспешил закончить раньше, ведь тренер был ему не указ. Он занимался вольно, без надзора.

Его имя было южным, как и акцент, как и цвет кожи, глаз и волос, как и тембр голоса, как и стиль обуви – аккуратно вычищенные мокасины с восточным орнаментом. Оказалось, что он прилетел в мою страну в качестве студента по обмену, что живет он в студенческом общежитии, живет на крохотную стипендию и родительские переводы, что прилетел он сюда не один, а вместе с родным братом, который тоже поступил в тот же вуз, что родители его очень честные и трудолюбивые люди, и чтобы отправить их с братом за границу учиться, им пришлось разбить все домашние копилки, продать все имеющееся в семейном фонде золото и залезть в долги к многочисленной родне.

В тот грязный, слякотный осенний день он проводил меня до самого дома. Мы шли около сорока минут. А может быть, не шли, а плыли? Мне так казалось, потому что серое месиво на дорогах почему-то больше нисколько меня не раздражало, не мешало ходьбе, оно словно не липло к обуви, не брызгало на мои штаны, а хмурое небо не казалось таким депрессивным, как всегда. Я слушала его рассказ о себе, тая от его голоса, ласкающего мои уши, и не вполне осознавая суть сказанного, рассеянно теряя нить изложения, подмечая нюансы его южного акцента, обливаясь теплом от его близости.

Когда я влюбляюсь, я полностью теряю бдительность, глупею и отдаюсь чувству. К счастью, влюбляюсь я не часто. Но тогда я влюбилась. С первого взгляда.

Сейчас меня бы не прельстил такой кавалер, но тогда он был для меня пределом мечты. Меня не насторожило его шаткое положение в моей стране как чужака, у которого нет ни денег, ни прав, ни жилья. Меня также не испугало то, что он был младше меня на шесть лет. Благородная красота и предельная искренность, как правило, подкупали меня посильнее, чем любые прилагающиеся выгоды в виде хорошего заработка, престижной профессии и прочей крутости. Простые качества вроде доброты, честности и порядочности я ценила и ценю в людях больше, чем успехи, достижения, уровень дохода, статус, репутацию и иную разного рода мишуру. Прежде всего мне важен сам человек, а не то, что к нему прилагается. И если у него за душой ни гроша, но сам он отличный парень, то можно закрыть глаза на эти несерьезные недостатки. Ведь люди, добившиеся успеха и при деньгах, под частую бывают последними ублюдками, и вся их важность утекает через норы червивой души.

Это было мгновенное влечение. Мне было легко и уютно рядом с ним, и все остальные мужчины мира стали по щелчку пальцев неинтересны, бессодержательны, размыты. Мы стали встречаться каждый день, а мне все равно не хватало его. Очень быстро он оказался в моей

постели, и наши ночи были незабываемыми, по крайней мере, для меня. Так же быстро он признался мне в любви, и наш роман стал вершиной счастья, по крайней мере, для меня...

Все реже он наведывался в тренажерный зал, все чаще дневал и ночевал у меня дома. Вскоре он почти насовсем обосновался у меня, даже притащил в мою квартиру половину своих пожитков. Вторая половина обязана была для вида находиться в общежитии для сохранения места регистрации иностранца как студента внутри страны.

Посещать тренажерный зал все меньше стала и я, пока совсем не прекратила. У меня появились интересы куда важнее олимпийской цели, и моя мотивация к построению тела мечты иссякла, тем более что тело мечты я уже и так построила. Стройная, подтянутая и упругая, я была под стать своему юному красавчику, и отныне, закончив учебу и освободившись от работы, мы каждый вечер спешили воссоединиться на моей кухне за чашкой чая и ужином. Никакие спортзалы и прочие личные хобби больше не проедали наше время, не грабили наше внимание и не имели на нас ни малейшей силы воздействия, ведь, соскучившись друг по другу за долгий день врозь, мы получали в награду выстраданные и долгожданные моменты близости. Мы были ненасытно увлечены друг другом и жаждали посвятить сокровенное время только нам двоим. Мы жадно собирали по крупицам каждый час прожитого дня, словно предчувствуя, что наше время ограничено. В тренажерный зал мы бы могли наведываться неразлучной парочкой, но ведь там мы не наедине. А нам нужно было наше время, где мы ни на что не отвлекаемся, а упиваемся друг другом: вместе лепим азиатские лепешки, вместе тушим плов, вместе запекаем чурек или самсу, вместе кормим друг друга и моем посуду, вместе резвимся в пенной ванне, вместе нежимся под одним одеялом и с упоением слушаем шепот любви. «Вместе» - это слово обрело особый шарм…

Так постепенно и невзначай мы стали жить вместе. Я доверилась ему настолько, что вручила ему ключи от своей квартиры. Как чудесно было бежать с работы каждый день и знать, что меня ждут не пустые комнаты, а мой возлюбленный!

Нет ничего лучше, чем лежать бок о бок под одним одеялом с ноутбуком на коленях, кормить друг друга попкорном или чипсами и целоваться на самых романтичных моментах фильмов – это был наш предел блаженства. Иногда мы выбирались в кинотеатры, кафе и даже отправлялись на поезде в другие города. Мы устраивали уикенды, выкупали целиком вагон-купе, запирались в нем и мчали в недалекие странствия. Как же мы обожали романтику поездов! Мы неслись всю ночь в теплом вагоне, а морозным утром встречали новый город и брели куда глаза глядят. Мы арендовали квартиры на одну-две ночи, а днями шлялись по паркам, музеям, кафе, аттракционам, историческим местам, руинам, исписанным баллончиковой краской… Мы гуляли до изнеможения, до мозолей, фотографируясь на скамейках с сердечками, в арках для влюбленных, на набережных городских рек, на фоне древних замков.

Я всегда любила путешествия, но путешествия с любимым человеком казались еще более волшебными, символическими, наполненными межпланетными смыслами. Наблюдать на окружающим миром влюбленными, полными звездного восторга глазами несравнимо дороже, нежели просто осматривать достопримечательности взором подкованного туриста. Это остается в памяти навсегда. Это самый ценный багаж воспоминаний, подаренный жизнью.

Я полагала, что встретила мужчину своей мечты, ведь он сумел разбудить во мне долго спящего ребенка с его непосредственностью, склонностью к кристально чистым эмоциям и умением радоваться жизни без оглядки на груз проблем. Просыпаясь первой чуть свет, я еще долго лежала рядом с ним, заботливо изучая каждую черточку его спящего лица, каждую пору кожи, каждый волосок в его густой черной бороде, каждый холмик на могучих плечах, каждую жилку на притягательной шее; прислушивалась к его дыханию, затаив свое, и ощущала трепет, переживала экстаз от этого блаженного состояния подлинного счастья. Его кожей пахли мои подушки, и я зарывалась в них лицом, вдыхая аромат любви…

Однажды я поймала себя на мысли, что впервые за свои почти тридцать лет захотела ребенка. Раньше мне не встречался тот человек, которого я бы четко рассматривала в роли отца для своего будущего чада. И вот он встретился. Значит, это он, тот самый! Я была уверена, что чутье меня не подведет. У меня возникло истинное желание воспроизвести на свет величайшее чудо – плод нашей любви. Только при таких условиях и должны рождаться дети, так я считала.

До некоторых пор меня нисколько не смущало, что в наших отношениях денежно больше вкладывалась, разумеется, я. Я все понимала и принимала. Мой парень – студент-иностранец, а я работаю, и конечно же денег по определению больше у меня. Большую часть расходов оплачивала я, что позволяло ему сохранять деньги для брата, который, по его словам, перебивался с хлеба на воду. Брату нужно было помочь, ему нужнее, ему нечего есть, он болеет и нуждается в лекарствах. Так заверял мой возлюбленный, а я умилялась недюжинной степени его сострадания и доброму сердцу. Иногда я и сама напоминала ему, что готова за все заплатить, но брата следует обязательно поддержать в непростой ситуации, ведь на фотоснимке он выглядел чересчур болезненно и жалко: его опухший глаз остро нуждался в глазных каплях.

Медицинской помощью порой не брезговал воспользоваться и мой любимый. Однажды у него безнадежно заболел зуб. Вырвать зуб иностранцу стоило кругленькую сумму, однако я не смела позволить себе равнодушно взирать на то, как мучается мой возлюбленный. Разумеется, я все ему оплатила и избавила его от страданий, в придачу накупив ему болеутоляющих таблеток, чтобы прореха во рту заживала быстрее. Как же он был мне благодарен, а его любовь ко мне в тот день усилилась в разы!

Мое критическое мышление, мой мозг, мой разум, мое самоуважение, моя бдительность – все это было задымлено густым, кромешным туманом любви, и сквозь него я долго ничего не могла разглядеть…

Туман стал рассеиваться, когда однажды перед сном, после просмотра очередного романтичного фильма, я заговорила с ним на мою животрепещущую тему: я призналась, что хочу от него ребенка. Его реакция приоткрыла пелену на моих глазах. Даже в полумраке вечера я рассмотрела его выражение лица. Оно было каменным.

- Я тоже очень хочу, - процедил он сквозь зубы. – Но позже.

По интонации я поняла, что он лжет.

- А я и не предлагаю прямо сейчас. Я просто ставлю тебя в известность, что хочу от тебя ребенка. Что здесь странного? Я думала, если люди любят друг друга, то они хотят детей. Это нормально. Но ты так напряжен…

- Я не напряжен!

- Напряжен…

- Не напряжен! – выругался он на меня впервые и отвернулся.

Это был первый раз, когда он повысил голос! В тот момент на меня словно плеснули ледяной водой, и я стала прозревать…

Больше я не заводила эту тему. Я избегала ее намеренно, чтобы повнимательнее наблюдать за ним и пытаться понять, любит ли он меня так же, как я его. Я усомнилась в том, что мое чувство взаимно.

Доказательства моим сомнениям не преминули обнаружиться одно за другим. Факты стали для меня очевидны, и я поняла, что они и раньше были бы очевидны, если бы туман в моей голове не мешал мне их распознать…

Я решила его проверять. Как-то предложила ему оплатить коммунальные услуги в моей квартире, ведь живем мы вместе уже несколько месяцев, а до сих пор платила только я. В ответ он снова напрягся и напомнил про немощного брата – он полагал, что этим козырем он всегда будет успешно взывать к моей совести.

- Твой брат получает стипендию и переводы от родителей. Пусть живет по средствам, - мягко пыталась я его вразумить, вовсе не желая с ним ссориться. – А если ему не хватает,

то пусть тоже найдет себе девушку-заступницу вроде меня. Хотя такую будет найти сложно, - добавила я, призадумавшись…

Помявшись немного, он быстро остыл. Видимо, он тоже дорожил нашими отношениями, поэтому согласился в текущем месяце взять оплату за проживание в моей квартире на себя. Я ощутила почти физически, насколько же тяжело далось ему это решение. Невольно я почувствовала себя предательницей, бесстыдницей-злюкой, которая подгадила своему парню, но что-то уберегло меня тогда от соблазна взять свои слова обратно.

С тех пор между нами воцарилось постоянное едва заметное напряжение. Мы об этом не обмолвились ни словом, но оно стало все острее проступать по мере дальнейшего хода событий.

Каждый вечер он уделял хотя бы полчаса святому делу первостепенной важности – видеозвонку своим родителям. Он закрывался в соседней комнате, чтобы меня не было рядом, а я подслушивала их диалоги на тюркском языке. По окраске их эмоций и тембра голоса невозможно было догадаться, о чем они беседовали. Он подолгу что-то обсуждал со своим отцом. Мне возбранялось подходить даже близко.

Однажды после одного из таких звонков я решилась задать ему очень важный для меня вопрос:

- Твой отец знает обо мне?

- Нет, - ответило его знакомое напряжение…

- До сих пор? Почему ты не скажешь ему, что живешь со мной?

- Я не хочу его расстраивать, - ответ поразил меня настолько, что я не нашла слов.

Это откровение я долго вынашивала в себе… Должно быть, его родителей расстроит известие о том, что их сын живет с девушкой не их религии! Наверное, в этом все дело! Но для меня не было проблемой сменить религию, если это будет необходимо для нашего будущего. Я собиралась немного позднее уведомить его об этом, однако пока предпочла смолчать.

Мой любимый был очень религиозен, и я принимала его таким, какой он есть. Меня нисколько не раздражали его намазы по несколько раз в день, хоть сама я – прожженная атеистка. Сменить религию для меня с недавних пор стало чистой формальностью, словно переодеться, ведь ничего бы в моей жизни не изменилось (ложная догадка), зато я была бы вместе с возлюбленным, ради которого можно было пойти на любой подвиг. (Смею заметить, что похожий выбор между атеизмом и исламом уже имел место в моей биографии, однако к данной дилемме я смягчила свой подход при условии взаимной жертвы и неистовому рвению навстречу друг другу). Да, мой парень – истый мусульманин, приверженный до мозга костей, но я терпима к людям других взглядов и конфессий. В этом и есть суть свободомыслия.

А может быть, в его стране ему уже уготована другая невеста одной с ним веры? Может, его родители не примут меня, потому что я иностранка, ведущая безбожный образ жизни? Я не решалась спросить его обо всем этом, так как ужасно боялась его обидеть или чересчур неосторожно задеть, влезть не в свое дело. А может быть, боялась узнать правду…

На день рождения я решила порадовать всего любимого: я подарила ему дорогой смартфон. Подарок был куплен в кредит, но это стоило того: мой любимый был рад, как ребенок, получивший заветную игрушку! От его радости радовалась и я…

А на свой день рождения я получила лепестки роз, сложенные в большое сердце на моей постели. Очень романтично, но что еще я могла ожидать от него? Лепестки роз, которые пожухли к утру, оставив гору мусора, которую мне пришлось убирать…

Мой любимый учился на последнем курсе вуза и весной должен был получить диплом. Меня донимал вопрос: что же будет дальше? Он закончит учебу, и повода оставаться в стране у него уже не будет… Или будет?

Назревал неизбежно близящийся вопрос, угрожающе висящий в воздухе прямо над нашими головами. Я как могла отдаляла его наступление, но он был как сам собой разумеющийся итог:

- Весной ты ведь улетишь к себе, верно?

- Я улечу ненадолго, только чтобы повидать родных. Всего на пару месяцев. А потом я вернусь. Я никогда не брошу тебя. Не переживай.

Он говорил с такой нежностью, что я успокаивалась и верила ему.

- Ты хочешь на мне жениться?

- Конечно хочу!

Но что-то подсказывало мне, что он лжет. Однако я гнала эти мысли прочь, не желая верить, что конец уже близок.

В мае он улетел, пообещав вернуться к августу. Мы были на связи каждый день, и он уверял меня, что очень по мне скучает. Общение с ним держало меня на плаву, а ожидание и подкрепляемая надежда придавали сил не сломаться и жить дальше, хотя страх неотвратимого все сильнее сковывал меня день за днем…

Понимание пришло резко. Если раньше я еще сомневалась в своих разъедающих душу догадках и старалась не нагнетать лишнюю бурю тревог и волнений, не забивать себе голову ненужной чепухой, то одно происшествие, наконец, вставило мой разум на место.

Он позвонил и завел старую шарманку: у брата, оставшегося в моей стране, большие проблемы. Ему срочно нужны деньги на еду!

Вот он, гром среди ясного неба. Меня снова окатили отрезвляющей влагой… Опять брат?

Вначале я осмелилась весьма сдержанно и учтиво напомнить ему, что не имею никакого отношения к его брату. Но он, как водится, надавил на жалость и затронул во мне самую чувствительную струну, которую затрагивал всегда: сказал, что если я его люблю, то помощь брату равнозначна помощи ему самому. Тем более что это будет помощь в долг – брат обязательно вернет мне деньги, как только сможет.

Я согласилась с условием, что он вернет мне долг в назначенное число, не позднее. Как только я перевела обозначенную сумму на счет брата, мой возлюбленный снова обернулся прежним ласковым мальчиком, которого я так любила, он еще убедительнее стал клясться мне в любви и заверять, будто проверял меня и мои чувства, ведь если я люблю его, значит, обязана любить и всю его семью.

Но я ведь даже ни разу не видела этого брата! Только на фотографиях…

Мне однозначно не нравилась вся эта сомнительная история, но я утешила себя и на сей раз. Мой возлюбленный преданно оставался на связи, а я ошибочно принимала это за любовь. Мы страстно ворковали по разные стороны экрана, как и прежде, будто ничего не изменилось, а он как мог уверял меня в подлинной заботе и нежности, которые питал ко мне ежечасно. Но что-то во мне, называемое интуицией, все настойчивее подтачивало любые его доводы и мои самовнушения…

Разумеется, когда подошла пора отдавать долг, он уведомил, что брат пока не готов это сделать. Он умолял меня подождать еще несколько дней.

Это был переломный момент. Я все поняла…

- Или твой брат отдает деньги сегодня, или я думаю, что ты меня обманываешь, - мой голос все еще оставался довольно мягким, не смотря на вскипающую страсть проснувшегося во мне рэкетира.

- Что ты? Я никогда тебя не обманывал! – далее шла тирада заверений.

Однако на этот раз я решила стоять на своем до последнего. Мне пришлось долго его упрашивать, внедряя осторожную тактику балансирования между двух огней: необходимо было не разуверить его в том, что я ему все еще доверяю, одновременно аккуратно выманивая собственные деньги из лап должника. Когда я назначила сегодняшнюю дату предельной для

возврата долга, мы поссорились, и его скрежет вместо голоса пронзил насквозь остатки моего влюбленного сердца.

С превеликим трудом мы все же условились о встрече с братом. Наконец, я познакомилась с этим мутным, загадочным братом, который все же и правда существует, хотя я уже в этом сомневалась. Словно оторвав от себя кусок мяса, он протянул мне деньги с таким злобным видом, будто я была последним исчадием ада.

- Неужели нельзя было подождать пару дней? – борзо процедил он, не разжимая зубов.

- Нет, - отзеркалила я.

Мой сладостный мир иллюзий, увы, рухнул окончательно. Домой я ехала поверженная, разбитая и растерзанная на куски. Мне не забыть тот дребезжащий полупустой автобус-гармошку с дырявыми скрипящими мехами, на заднем сидении которого я сжимала эти облитые слезами деньги, послужившие причиной раздора. Меня использовали, меня опять использовали! Это был конец… Больше нечего было склеивать и сохранять; больше не следовало подбирать крохи и идти на уступки. Больше никаких уступок. Какая же я тупица!

В тот день я в последний раз позвонила ему, чтобы задать всего один вопрос:

- Что сказали твои родители, когда увидели у тебя новый смартфон?

- Они сказали, что ты очень хорошая девушка.

Я повесила трубку. Навсегда.

Ну да, я очень хорошая девушка! Просто умница!

Как же горько было все это принять! Горько было не только от того, что оборвалась история любви, но и от того, что меня использовали… ИСПОЛЬЗОВАЛИ. Это слово причиняло особенную боль. Ему нужна была временная покровительница, надежная заступница, которая бы облегчала ему жизнь здесь, в чужой для него стране. Поэтому он играл роль влюбленного, создавая для меня эту сказку, в которую я слепо верила, наивно рассчитывая на взаимность. Ему нужны были лишь мои деньги, чтобы продержаться здесь до получения диплома. Моя влюбленность была ему на руку. Огромная удача! Дуреха влюбилась, а значит, можно ей подыграть. Она, как золотая рыбка, исполнит все желания. А как только она заупрямилась и перестала давать деньги, она уже – отработанный материал. С нее уже ничего не возьмешь, пришла пора списывать ее со счетов! Можно было смело наобещать ей с три короба, что он вернется спустя два месяца, и они заживут счастливо, как мечтали когда-то; можно было держать ее на крючке до последнего, ведь брат еще не окончил учебу; можно было подкреплять ее тающую надежду, а тем временем поддерживать брата за ее счет. Просто гениальный план!

Как же жестоко я обманывалась! А ведь я приняла его за любовь всей жизни, за ту самую хваленую «вторую половинку», нареченную стать отцом моему будущему ребенку. Забота, доверие, искреннее сопереживание брату и вера в утопическое будущее – все это ни стоило ни гроша. Итог унизителен и печален: я осталась даже не в одиночестве, а с кредитом на его смартфон. И оплачивать его мне предстояло еще несколько месяцев. Но брать кредит меня ведь никто не принуждал… Боже…

Первое время я еще не до конца верила в то, что это произошло, что так прозаично завершилась эта почти шекспировская история. Я все еще ждала звонка от него, надеясь, что он все же любит меня, что это еще не конец. Мне было немыслимо существовать без него, и поначалу я рвалась все вернуть и даже извиниться перед ним за свое недоверие. К счастью, он больше не позвонил. Никогда.

Спустя месяц душевных терзаний я приняла новую действительность и возненавидела его. Я стала жертвой злостного мошенника, который похитил у меня не только деньги (а он их похитил!), но и часть личности. Он обворовал меня на человеческом уровне! Разумеется, от моей влюбленности не осталось вскоре и следа. Ее заменила испепеляющая, зверская, слепая ненависть.

Чтобы поскорее избавится от унизительного кредита, я взяла дополнительные часы на работе и за три месяца сумела погасить долг. Мне жизненно необходимо было освободиться от всего, что связывало меня с ним и как-либо напоминало о нем. Фотографии, подарки, безделушки и даже постельное белье, насквозь и безнадежно пропахшее его сладкой, южной кожей, – все было тотчас брошено в мусорное ведро. Он был без сожаления вычеркнут из моей жизни.

Чтобы восстановить душевное равновесие, мне понадобилось еще полгода. Шесть месяцев ушли на залечивание ран, которых могло бы и не быть, если бы мои неискушенные глаза не бродили где ни попадя в той чертовой тренажерке, если бы мои бицепсы были заняты своим делом, а мысли мои не блуждали бы в поиске лекарства против скуки. Злоба на саму себя и на собственное скудоумие в моем неюном возрасте еще больше разрушали и без того потрепанную психику. Я ведь была влюблена, черт возьми! И сама позволяла ему мной пользоваться… Неужели за эту вольность мне придется до конца дней корить себя, словно я – слабое существо, которое жалко трепыхается на дне самых низменных человеческих страстей? Неужели поддаться соблазну и испытать светлое чувство – это непростительный грех и недопустимое поведение, за которое приходится себя наказывать? Именно в тот период я познала самую сильную боль в мире – душевную боль. Когда болит душа, невозможно выпить болеутоляющую таблетку, от этого нет спасительной терапии, нет врача, нет даже паузы, чтобы отдышаться. Есть только суровая, жестокая явь, которую нужно как-то пережить, переступить, перемолоть. На что я рассчитывала, связавшись с парнем-азиатом на шесть лет моложе себя? Его и альфонсом-то не назовешь. Примитивный пройдоха, подцепивший витающую в облаках и соскучившуюся по страстям дамочку «под тридцать», для которой он – наверняка последний шанс замутить по-человечески, ведь после него она больше никогда не доверится ни единому представителю мужского пола.

Эта история уверила меня в одном четко подмеченном, явном и непреложном факте: как правило, чем подлее и лживее человек, тем он религиознее. Мерзкая мораль «истого мусульманина» проявилась передо мной во всей красе. Он регулярно молился богу в намазах, не стесняясь при этом лгать мне прямо в глаза, зная, что бросит меня однажды. Такие лицемерные иисусики не брезгуют поймать выгоду везде, где она удобно подвернется. Для них притворная набожность важнее обыкновенной нравственности.

Альфонс альфонсу рознь. В моем случае это был паразит, бесчестно унизивший и растоптавший меня, разорвавший в клочки мою личность и напитавшийся соками моей женственности. В который раз я дала себе обет избегать подобных типов и не влипать в новые нехорошие истории, однако разнообразие подобной популяции мужчин продолжало с завидным постоянством, настойчивостью и обилием сопровождать меня даже тогда, когда, казалось бы, моей самооценке ничего не угрожало и я была во всеоружии.

Глава 3

Глава третья

С Региной мы познакомились на острове. К нашему заезду на Бали она, ее муж и сын уже около пяти лет жили здесь в вынужденной эмиграции. Наши виллы расположены в одном районе. Нет, она ни разу не была у меня на массаже, но нас сблизили другие общие интересы: однажды мы покупали кокосы у одного торговца, и так слово за слово и завязалось наше общение, перетекшее в близкую дружбу, тем более что мы оказались землячками. Ничто так не скрепляет узы, как сплоченность диаспоры в далекой экзотической стране, где отыскать человека своего менталитета подобно нахождению клада.

У нас выработалась своя традиция: пару раз в неделю мы собираемся с детьми в местном ресторанчике с видом на закат, заказываем вкуснейший лавар (либо другие дежурные блюда) и пьем холодные молочные коктейли, беседуя о здешних нравах, перемывая косточки спутникам «из прошлого» и вспоминая родину.

Вот и сегодня утренним звонком моя подруга предупредила меня, чтобы я не планировала ничего на вечер. После работы нас ждут дружеские посиделки за пряным ужином.

- Оскар! – окликнула я сына, игравшего во дворе с индуистскими глиняными фигурками подмастерьев, которые работали на первом этаже. – Вечером идем в ресторан!

- И Лева придет? – обрадовался мой маленький Будда. Наши дети были ровесниками и дружили.

- Да, будешь играть с Левой. А пока поиграй с няней Притой.

В окне я заметила нашу воспитательницу, бегущую на работу. Девушка ни разу не позволила себе опоздать и относилась к работе очень ответственно и радетельно. Каждый раз я все четче убеждаюсь и все явственнее прихожу в восторг, отмечая, насколько нам повезло отыскать такую милую, порядочную няню! Они с сыном обожали друг друга.

Через пять минут я передала ей эстафету и напоследок умилилась, как же они похожи друг на друга! Ну просто брат и сестра!

- Мы с Оскаром найдем общий язык, - это была первая фраза Приты в день нашего знакомства, когда я представила ей сына.

То, что они найдут общий язык, никто и не сомневался. Я доверила сына надежным рукам.

В середине сегодняшнего графика вновь значилась запись новоприбывшей туристки, снова моей землячки. Значит, сегодня опять будет знакомство, подумала я, поднимаясь в лифте на самый верх спа-отеля. Весьма занимательная практика – изучать новых людей – один из приятнейших бонусов в моей работе. Вот и сегодняшний день дарит мне очередную встречу с соотечественницей, с гостьей «оттуда», указавшей в заметках, что массаж будет под музыку Джо Кокера. Что ж, я вовсе не против, тем более что легкий драйв нам сегодня уж точно не повредит, ведь массаж заявлен лимфодренажный.

На двух первых клиентах я плавно размяла руки, запасая энергию для жесткого продолжения. Этот вид массажа заказывался не столь часто, ибо выдержать его сможет далеко не любая жаждущая стройности дама. Надеюсь, она будет выносить его не впервые, иначе кровоподтеки на коже могут как следует подпортить ей отдых.

В кабинет впорхнула спортивная молоденькая девица с надутыми губками и веерными ресницами, ламинированными черными волосами и шлейфом едва уловимого фруктового аромата явно не дешевых духов. Застоя лимфы на ее бедрах уж точно не было заметно даже моим зорким глазом: я сразу оценила ее упругие, гладкие, скульптурные ножки. Но все же стоит спросить:

- Я надеюсь, не в первый раз?

- Шутишь? – улыбнулась красотка, приняв меня, видимо, за ровесницу. – Конечно, нет. Загорать на Бали в синяках не в моих правилах!

- Это правильно. Антицеллюлитный массаж… - пропела я, разряжая обстановку и осматривая предложенное мне безупречное тело. – А где же целлюлит?

- Так его потому и нет. Я регулярно хожу на массаж. Видишь, даже на отдыхе не пропускаю.

- А-а, поняла. Тело у тебя шикарное, - похвалила я, ничуть не льстя.

- По должности положено, - усмехнулась она весьма самоуверенно.

- Ты модель? – предположила я.

- Да нет. Благодаря своему спонсору я могу не работать. Так что должность у меня не пыльная.

- А-а, ты содержанка, - я сделала правильный вывод, видя, как кивает в ответ моя собеседница.

- Конечно. Почему с такой внешностью я должна работать? Пусть работают закомплексованные уродины или серые мышки. Им ничего не остается. А меня кормит внешность. Как видишь, мой бонус позволяет мне отдыхать на Бали.

- Спонсор твой, наверное, богач…

- Да. Кстати, у него есть друг. Хочешь, тебя познакомлю? Ты тоже не уродина, а пашешь здесь, наверно, за гроши. Иметь спонсора в наш век – это круто!

- Нет, спасибо, - поперхнулась я несуществующим куском в горле. – я люблю свою работу и получаю за нее достойную оплату.

- Ну как хочешь, - девица явно была горда и довольна своей жизнью, а мой отказ примкнуть к ее кругам ее ничуть не задел.

- Быть содержанкой, по-твоему, значит не работать? – развивала я тему, начиная что есть силы месить ягодицы клиентки.

- А разве это работа? – ее неизменившаяся мягкая интонация подтвердила то, что ее тело давно привыкло к грубому воздействию рук массажиста.

- Я думаю, что спонсор не просто так платит тебе. Ты выполняешь его условия.

- Но это не назовешь работой, - фыркнула она.

- А я считаю, что это работа. И довольно тяжелая работа.

- Это пустяки. За такие деньги я готова и потерпеть.

- И ты всю жизнь собираешься терпеть? – наверное, мое воображение занесло меня в недозволенную зону личного пространства, но девица этого не заметила.

- У всех есть недостатки, - разоткровенничалась она. – Да, я ненавижу чересчур потных мужиков, но можно потерпеть часок. Всю жизнь, наверное, не смогу. Или найду другого спонсора, который не будет так потеть.

- Это пока ты молода. А дальше? Я знаю, что… Вернее, я догадываюсь, что у этих спонсоров есть какой-то лимит на возраст… Не уверена, что лет в тридцать пять ты будешь кому-то из них нужна.

- Намекаешь, что не плохо бы найти любимого человека, который будет со мной и в старости? Но ведь даже верные мужья бросают своих жен, с которыми прожили двадцать лет, если на горизонте замаячила молоденькая. Поэтому я не вижу смысла в замужестве. Это прямой путь потерять все. Я не верю в мужскую преданность! У них к нам потребительское отношение, и я отвечаю им тем же. Только женщина может ухаживать за старым мужем в немощи. Мужчина всегда найдет молодую и бросит старуху, не будет сидеть и подтирать за ней.

- Верно… Но я не это имею в виду. Я про то, что твой доход упадет или вовсе иссякнет, когда ты станешь для них неликвидом. Чем ты потом будешь зарабатывать на жизнь?

- Я еще очень долго буду ликвидом. Я слежу за собой. Моя внешность будет кормить меня еще очень долго.

- Но не всю жизнь. У спонсоров есть пунктик на возрасте… Так или иначе, он возьмет свое…

- Когда это произойдет, я что-нибудь придумаю. А пока я ценю себя и не намерена работать за копейки на заводе. Нужно использовать во благо то, чем наделила меня природа. Если бы я работала на заводе, как думаешь, отдыхала бы я сейчас на Бали?

- Думаю, добиться этого тебе было бы гораздо труднее. Но все возможно, если захотеть.

Чтобы развеять атмосферу напряженной и полной противоречий темы, мы посмеялись, как новоиспеченные подружки, оставаясь каждая при своем мнении.

- Вот ты довольна своей жизнью? – вдруг спросила она.

- Да, - искренне ответила я.

- И я тоже почти довольна, - посмотрела она на меня, многозначительно подергав бровью, как бы напоминая мне, чтобы я, увлеченная колкой темой, не забывала о своих основных обязанностях.

- Ах да, Джо Кокер, - спохватилась я, подбегая к музыкальной колонке. – Ну что же, для полнейшего удовольствия желаю тебе найти спонсора, который меньше потеет…

Должно быть, это прозвучало жестковато, но я успела уловить ее необидчивый нрав. Мы друг друга поняли и лукаво улыбнулись.

Кабинет наполнила в меру громкая блюзовая музыка подготовленного мной плейлиста, и далее массаж проходил безмолвно. С усилием я взбивала ее холеное тело, гадая, сколько же ухода оно удостоилось получить, чтобы стать таким рентабельным. Ее большая грудь стояла торчком даже в положении лежа, что уверило меня в том, что она накачана силиконом. Здесь в заботу о себе и самоценность вложены немалые капиталы. Надеюсь, это того стоило…

Регина и ее сын Лев уже сидели за столиком и ждали нас, когда мы подоспели к обещанному ужину. Вечерний сет был уже заказан, и нам оставалось его немного подождать.

- Знаешь, что мне нравится на этом острове? – нежно улыбнулась моя подруга.

- Что?

- Что местные называют меня Реджина.

- Вау! – захохотала я.

- Честное слово! Здесь я не Регина, а Реджина.

- Представь себе, у меня та же история. Те, кто меня знает, называют меня Анджелина. А ведь на родине я была Гелькой…

- Какой личностный рост! Самооценка растет на глазах. Здесь мы как королевы!

- А кто нам запретит?

Я повернула лицо к закату, прикрыла веки и насладилась ветерком, летящим с океана. Приятные мурашки от развевающихся волос и платья защекотали мое тело, и я прислушалась к плеску ударяющихся волн у подножья обрыва, на котором располагался наш любимый ресторан. Этот остров – поистине одно из моих мест силы, подумала я. Прекраснейшая из стран, в которой я хочу остаться до конца жизни.

- Мама, мама! Смотри! – прервал мой недолгий транс мой сын. Они с Левой запускали воздушного змея, переместившись на террасу под открытым небом.

Мы с Региной похвалили мальчиков и похлопали в ладоши.

- Я сегодня поняла, что не хочу возвращаться туда, - сказала моя подруга, намекая на нашу родину.

- Я, пожалуй, тоже, - задумчиво ответила я, наблюдая за официантом, который нес наш заказ.

Пряное кушанье приманило наших сыновей, и через пару минут мы вчетвером сидели за столом, поедая вкуснейшее яство райского острова.

- Я планирую заняться съемками, - продолжала Регина. – Почему бы не воплотить мечту в жизнь здесь? Больше не могу сидеть без дела.

- Из тебя вышла бы отличная воспитательница для русскоязычных детей на острове. У тебя же есть образование! Будешь снимать на эту тему?

- Думаю, да.

- Тогда вперед! – подбодрила я подругу. – Блогеров здесь полно, а таких, как ты, нет. Отличное пособие для репатриантов!

- Я тоже так думаю.

Мы любовно взглянули на наших детей, уплетающих мясо. Оба проигнорировали столовые приборы и хватали ручками закуски, обмакивая пальчики в соусе и облизывая их испачканными губками.

- Какие же они разные! – воскликнула Регина. – Мой – голубоглазый блондин, а твой – черноглазый брюнет. Контраст меня поражает!

- Зато они дружат и едят одинаково, и им все равно, что они разных рас. Они этого контраста не замечают, - подметила я, вытирая салфеткой капли соуса на подбородке Оскара.

- Знаешь ли, надоело сидеть на шее мужа, - вернулась к теме моя подруга. – Не привыкла я к этому. Чувствую какой-то застой… Хочу найти себя здесь. Хочу попробовать себя в новой профессии! Мне кажется, здесь все, кто сюда попадает по какой-нибудь причине, находят в себе что-то новое. Этот остров открывает тебя с новой стороны.

- Надоело сидеть на шее мужа? – задумчиво усмехнулась я, вспоминая сегодняшнюю клиентку. – А вот есть те, кто этим промышляет. Причем весьма успешно.

- Ты про кого?

- Сегодня у меня была клиентка, у которой есть богатый папик. Он ей, конечно, не муж, но принцип похожий. Женщина живет за счет мужчины.

- Это другое. Папик просто платит ей за секс. Он платит ей за отсутствие обязательств. Эскортница?

- Содержанка. Не знаю, есть ли разница. Но меня удивило, как девушка дорого себя оценивает.

- И какой у нее ценник? – покосилась Регина.

- Не знаю, но эта профессия позволяет ей отдыхать на Бали. Понимаешь, насколько высоко она себя ценит?

- Бали – это не предел оценки, перестань! – махнула рукой моя подруга.

- Я понимаю. Но она явно работает не за еду.

- И?..

- Я вот что думаю: выходит, что эта девица, оказывающая интимные услуги потному мужику, ценит себя и свой труд повыше, чем обычная труженица на заводе, горбатящаяся за гроши…

- Зато труженица не терпит потного мужика, - поморщилась Регина. – И этим она показывает, что не готова ради денег так унижаться. Она хранит достоинство, а оно дороже любых денег.

- Только вот на заводе ей не заплатят столько, сколько нужно, чтобы отдыхать на Бали. Ты здесь видела хоть одну труженицу?

- Это я! – гордо ткнула в себя пальцем Регина.

- Ты не в счет. Я имею в виду такую труженицу, которая после ночных смен на заводе ушла в отпуск и без проблем купила за свой оклад путевку в любую точку мира. Себя не относи к таким. У тебя муж зарабатывает. Если бы не он, ты бы здесь не оказалась.

- Все равно достоинство превыше всего! – стояла на своем моя подруга.

- Ты считаешь, что интим с потным мужиком, от которого тебя воротит, есть унижение достоинства?

- Конечно!

- Хорошо. А работать за гроши на заводе и ничего в жизни не видеть – это не унижение достоинства?

- Убедила. Тоже унижение. Кругом одно унижение. И где же выход?

- Где выход? – замешкалась я на секунду. – Выход – не заниматься ни тем, ни другим. Выход – найти способ, который даст тебе возможность не зависеть ни от потных мужиков, ни от низких зарплат.

- Не любая найдет выход. В нашей стране только две категории женщин: одни зависят от мужиков, вторые – от низких зарплат.

- И это печально, - опустила я глаза, вспоминая горькие моменты своей прошлой жизни. Беспощадная память при любых обстоятельствах вонзала в меня свой кинжал…

- Но мы же с тобой смогли! – попыталась меня развеселить подруга. – Мы сейчас не зависим от мужчин и от маленьких зарплат. Ну вернее, я скоро перестану зависеть от мужа. Но это дело времени. Я на правильном пути! Но у тебя-то все великолепно!

- Сейчас – да. И это благодаря тому, что мы поселились на этом острове. Мы уехали, и это нам помогло. А ведь многие остались там и до сих пор относятся к двум известным категориям…

Трагичная неумолимая правда безмолвной паузой повисла над нами, и наши глаза забегали, перемещаясь с предмета на предмет в волнительном оцепенении. Каждой из нас было что вспомнить, и травмы от воспоминаний еще отдавались болью.

Чтобы не погрузиться с головой в эту бездну памяти, я опять перевела взгляд на океан. Он, как якорь, всегда напоминал мне, где я нахожусь, в каком времени я живу, и успокаивал, повторяя, что в моей жизни больше нет унизительной зарплаты, вечного дня сурка, прожигания лет беззаботной молодости, а также что мне вовсе не обязательно терпеть потных мужиков и ждать их подачек ради того, чтобы выжить.

Но так было не всегда…

Вся моя юность промчалась в беспросветной рабочей гонке. Не о такой жизни я мечтала в детстве. В своих грезах я жила полноценной жизнью, и работа в ней не занимала бы так много места: я работала, чтобы жить, а не наоборот. Однако наяву жизнь превратилась в постоянный день сурка: я работала ради маленькой зарплаты, которая не позволяла мне удовлетворить мои потребности, а как только каким-то чудом эти потребности удовлетворялись, то на место них тут же наслаивались новые и новые, и не было видно конца и края моим тщетным усилиям. Все выглядело так, будто я бегу за целью, как белка в колесе, но вновь и вновь спотыкаюсь о кочки и не настигаю ее. Она все время ускользала, и эта ситуация, называемая порочным кругом, затягивала меня в зыбучее болото. Именно тогда мне в голову и пришла догадка, что работодателям это выгодно: чтобы работник работал, не поднимая головы, нужно этого работника хоть немного недокармливать, держать его на голодном пайке. Тогда он будет ежечасно озадачен своими насущными проблемами, и это будет подстегивать его работать снова и снова, месяц за месяцем, год за годом, а работа будет необходимостью физического выживания, и угроза увольнения будет казаться сродни катастрофе. С такой идиотской ситуацией сталкиваются все, кто живет от зарплаты до зарплаты.

С такой ситуацией столкнулась и я. Учеба в вузе не дала мне ничего, кроме скитаний по бездушным учреждениям, где мне предлагали лишь мизерный, недостойный человека оклад. Самостоятельные поиски первых мест работы приводили меня к тем же неутешительным результатам. Подрабатывая то здесь, то там, в двадцать два года – расцвет моей юности и свежести – я устроилась в службу доставки. Это была курьерская работа в паре. Мы работали с водителем на служебном автомобиле. Фирма, которая столь любезно приютила нас, была довольно известна и продвинута в нашем городе, наша машина с ярким лейблом на боку броско

отсвечивала среди серости рядовых машин, а работать в паре с собеседником было не так тоскливо, как если бы я работала в одиночку. Мы трудились на магазин, поэтому в наши обязанности входила доставка заказанных товаров по труднодоступным адресам за чертой города, а также торговля в случайных точках сельской местности, где нас притормаживали желающие что-то купить. Словом, это была выездная торговля с курьерскими услугами.

По началу эта работа увлекала меня и даже казалась весьма романтичной: она связана с недалекими путешествиями по живописным загородным местам, а я с детства не любила сидеть на одном месте. Мне до чертиков нравилось кататься на машине по городам и весям и наблюдать в окошко за деревенской пасторалью: дворами, фермами, усадьбами, лесами, озерами и сельским укладом жизни. Я бы никогда не предпочла этой романтике душное сидение в кресле за столом пыльного кабинета. Даже весьма скромный оклад первое время не так сильно огорчал меня, ведь сама работа дарила мне свободу и свежий воздух.

Но вся эта буколическая романтика закончилась с наступлением зимы. Зеленые пейзажи за окном сменились кромешной белизной, на которую было больно смотреть целыми днями. Работа стала тоскливой рутиной, исчезли манящие ощущения новизны, выученный на зубок маршрут в один миг стал тягомотиной, и жизнь превратилась в наказание. Размер моей зарплаты все яснее стал напоминать мне, что пришла пора что-то менять, а мой возраст и моя красота все настойчивее намекали мне, что я нахожусь не на своем месте. Среди своих коллег я выделялась повышенным уровнем ухоженности и утонченности, что никак не сочеталось с характером моего грубого и неквалифицированного труда, а совместная работа с не подходящим по критериям воспитания и тактичности контингентом и вовсе делало меня белой вороной. Кое-кто даже не преминул весьма нескромно поддеть меня фразочкой:

- На твоем месте я бы работал манекенщицей!

Я и сама понимала, что свернула не туда, но долго не могла ничего изменить. Я выросла в бедной семье, без отца, у меня не было выгодных связей, да и в себя я не верила. Последнее, пожалуй, было ключевым объяснением моей беспомощности и несостоятельности. К тому же, я хоть и считала себя довольно симпатичной, но уж явно не манекенщицей. Я нравилась мужчинам, но не умела толком принимать их комплименты, стыдилась знаков внимания и считала их незаслуженными. И все же я ждала какого-то подарка от судьбы, надеясь, что достойна чего-то лучшего…

Так проходили неделя за неделей, месяц за месяцем, а ложное убеждение в том, что это не навсегда, что вот-вот что-то решится, что-то подвернется, если не прямо сейчас, то потом, все не отпускало меня. Я желала вырваться из лап рутины и поменять свою жизнь, вывести ее из состояния подвешенности. Но это «потом» все не настигало меня. Переучиться на другую профессию? Но на это нужны время и деньги. А я все время работала, и если я уволюсь, то потеряю источник хоть и худого, но стабильного дохода, и тогда уж точно не получу желаемое. Этот чертов порочный круг вводил меня в уныние. Я долго не находила способа, как же распрощаться с ним…

В один из мартовских дней мела страшная метель (проклятый климат даже весной норовил подгадить!). На дорогах взвивались заторы, работа в таких условиях и вовсе представлялась безумной авантюрой. Наше руководство велело нам действовать по мере возможности, гнать машину только по очень важным и неотложным заказам и по проторенным дорогам, не соваться в чересчур опасные закоулки и здраво расценивать риски увязнуть в снежном круговороте. Лобовое стекло быстро залепило снегом, и дворники не справлялись с мощью нахлынувшей стихии. Наша машина шла на медленном ходу, пыжась изо всех сил, нещадно сжигая топливо, каждый отрезок пути преодолевая с великим трудом. Мы с напарником сидели в кабине в напряженном молчании, глядя в оба в летящее нам навстречу месиво и вытирая холодный пот со лба. Нам было страшно угодить в кювет, сбиться с пути и быть погребенными

под снежным заносом. Колеса начинали пробуксовывать даже на ровной трассе; про то, чтобы свернуть на проселочную дорогу, не могло идти и речи.

Большой заказ с пометкой «экспресс» необходимо было доставить во что бы то ни стало. Товары с такими пометками обычно обозначали скоропортящиеся продукты. Дом по этому адресу находился не очень далеко от главной дороги, но сравнительно далеко, если идти к нему пешком и нести в руках тяжеленный ящик, да еще и по колено в снегу. Я умоляюще посмотрела на водителя, но встретила в его взгляде категоричное «нет»: мы туда не подъедем.

Шофер заглушил мотор на перекрестке, где нас все сильнее заметало снегом. Думать и действовать нужно было быстро. Я осмелилась попросить своего напарника помочь мне, разделив ношу на двоих, но он наотрез отказался. Оставался лишь один выход: брать ящик в охапку и нести его самой, ибо водителю по инструкции не положено покидать автомобиль.

Так я и сделала. Держа тяжелую коробку мокрыми ледяными скользящими пальцами, в сапогах, набитых снегом доверху, навстречу стеклянной вьюге, с прищуренными от ветра глазами я шагала около двухсот метров к дому заказчика, молясь, чтобы он оказался внутри, иначе все жертвы напрасны, и я здесь просто издохну, не в силах тем же путем вернуться к машине. С каждым шагом мои ноги все глубже утопали в снегу, а следы позади тут же заметались сумасшедшей, ревущей бурей.

Он оказался дома. Высокий мужчина открыл мне ворота, сразу выхватил свою посылку и пригласил меня в дом, чтобы расписаться в реестре о вручении. Я вошла в богатый уютный коттедж с горящим камином и мирно спящей кошкой у очага в обломовском кресле. Это первое, что бросилось мне в глаза. Как же я им двоим позавидовала: оба сидят у огня и греются в такую пургу, а я как безумная езжу по адресам вся продрогшая и с вымокшими ногами. Только войдя в дом, я услышала, что носки в моих сапогах хлюпают при каждом шаге, как лягушки в болоте, а сапог порван и набит снежной кашей…

Видимо, хозяин особняка тоже услышал это жалобное хлюпанье, потому что сразу спросил:

- Промокла?

В этот момент мне стало так жаль себя!

- Я привыкла, - смущенно пролепетала я, смахивая с обледеневшего носа намечающуюся сосульку.

Мне стало так стыдно от того, что незнакомый человек так заботится обо мне, пусть это всего лишь его вполне ожидаемый и уместный вопрос. Но хоть кому-то в этом мире не все равно, что я сейчас чувствую!

Мужчине на вид было около сорока. Он смотрел на меня очень обеспокоенно, с совершенно искренним участием. Я стояла жалкая и пристыженная, в порванном сапоге, в чудовищной рабочей робе с логотипом фирмы и в шапке, из-под которой выбились прилипшие к лицу мокрые пиявки волос. Мне хотелось либо расплакаться, либо провалиться под землю – одно из двух. Мне было стыдно за свою неблагодарную работу, и я выглядела просто ужасно в эту минуту. И чужая жалость тоже была мне ни к чему, я ее презираю!

- Приглашаю к камину, - хозяин коттеджа по-свойски приобнял меня за плечи.

- Вы серьезно? – мне становилось одновременно и мерзко, и приятно от его бестактной жалости.

- Почему бы и нет? – его голос стал глубже.

- Я бы с удовольствием, но меня ждет машина…

Я схватила реестр подписей и бросилась к выходу, уже обливаясь жарким потом.

- Ты уверена? – огорчился он. – Постой! Я провожу тебя!

Он мигом накинул шубу и поспешил за мной.

Меня до крайности изумило то, что в такую метель меня вызвался проводить клиент, которому я доставила заказ прямо в теплый дом. Что бы это значило? Его не испугали горы

снега, он не отставал от меня ни на шаг, не побоялся промочить ноги, словить переохлаждение и заболеть… Я не понимала, какой в этом смысл? С ним или без него, я бы нашла дорогу обратно и идти мне все равно было не легче.

Но вскоре смысл стал ясен. Когда я добралась до машины и села в кабину, с трудом захлопнув дверь из-за набившегося во все щели снега, водитель намекнул мне, что в мое отсутствие произошло кое-что неприятное: мы увязли и нам нужна помощь. Колеса буксовали в вихревой массе, и мы не могли сдвинуться с места, так как сели на мост.

Мой провожатый предвидел ситуацию. Теперь я поняла, почему он последовал за мной. Пока мой напарник зверски давил на газ, он толкал машину сзади. Несколько таких рывков, но без толку. Не хватало сил. Я уже догадывалась, что без моего участия не обойтись. Иногда совсем небольшая силовая добавка может решить исход дела, даже если это касается застрявшей газели весом с бегемота. Выбравшись из кабины и лихо подскочив к нашему спасителю, я пришла к нему на подмогу, что есть силы раскачивая эту неповоротливую махину, чтобы сдвинуть ее с места и пробить колею. Мы пыжились и кряхтели изо всех сил, напрягая жилы до предела.

Наконец, машина поддалась нашим усилиям. Я крикнула сквозь свист вьюги:

- Даже не знаю, как вас благодарить!

- Потом поблагодаришь! Беги скорее, а то опять засыплет!

Я последовала совету, прыгнула в кабину, и мы уехали, держа путь на рабочую базу и больше нигде не останавливаясь.

В тот вечер я отогревала свое до костей продрогшее тело в горячей ванне. За окном по-прежнему мело, но рабочий день был закончен, и я имела право позаботиться о себе.

Когда я закрывала глаза, растворяясь в мыльной пене, мне все еще мерещилось все, что сегодня произошло. Еще млели плечи от толкания машины, еще вздрагивали руки от тяжести посылки, еще гудела голова от свиста метели, еще подергивались и покалывали полу-обмороженные пальцы…

Я вспоминала мужчину, который помог нам выбраться из снежной засады. Он стал свидетелем моей слабости. Он увидел меня беспомощную, не довольную жизнью, толкающую эту чертову колымагу, проклинающую все вокруг. Все это было написано у меня на лице, я уверена; он прочел все это, глядя на мое отчаяние. Он слишком пристально разглядывал меня. Его взгляд все еще преследовал меня и заставлял краснеть; даже сейчас, лежа в ванне, я съеживалась от этого стыдного воспоминания.

Что он имел в виду, когда произнес те слова напоследок: «потом поблагодаришь»? Когда потом? И это странное и неприличное приглашение к камину… За кого он меня принял? Я не девочка, приехавшая по вызову. Его манящий голос и рука на моих плечах говорили скорее о его мужском интересе, чем о беспокойстве о моих мокрых ногах в рваном сапоге. Отматывая пленку памяти назад и досконально прокручивая заново каждый эпизод, я пришла к такому выводу.

Мне стало мерзко вдвойне. Я ненавидела эту работу, ненавидела свою слабость что-либо изменить, ненавидела свою ненаходчивость, ненавидела себя за свою ничтожность, ненавидела снег. С того дня я ненавидела снег еще больше…

Спустя несколько дней, когда дороги, наконец, были расчищены, снегопады утихли и работа вновь вошла в привычное русло, мы снова везли заказ этому клиенту. Вот что означало: «потом поблагодаришь»! Мы встретимся снова. На этот раз подъехать к его дому не составило труда. Он вновь пригласил меня в дом, и я осмелилась войти, так как нервы мои уже были успокоены, и я больше не подозревала его в особом интересе ко мне, а уверенности мне придавала моя неотразимость: я была в полном порядке, в новых сапогах, со здоровым цветом лица и уж точно не вызвала бы ни у кого жалости в тот день.

- Может, кофе? – опять он пытался меня удержать.

- Нет, спасибо, я на работе.

- Сегодня не такая экстремальная погода, как в ту субботу. Удели мне, пожалуйста, пять минут своего времени. Больше я тебя не задержу.

- Что вам нужно? – нет, все же интерес у него ко мне был. Мне не показалось…

- Прошу, - он пригасил меня на кухню.

Я пошла следом, помня о том, что, если меня слишком долго не будет на рабочем месте, шофер с пистолетом, по инструкции, резво рванется меня выручать! По крайней мере, я на это рассчитывала…

Я пила горячий кофе и слушала его рассказ.

- Изложу всю суть моего предложения кратко, но дослушай до конца и не пойми меня превратно. Я догадываюсь, что такая работа тебе не в радость. Для такой красивой девушки толкать двухтонную газель, по меньшей мере, унизительно. Предлагаю тебе работать на меня. Как видишь, я богат, деньгами не обижу. Договоримся об условиях. Я непривередлив, со мной проблем не будет. Встречаться будем пару раз в неделю.

- Э-э-э… На что это вы намекаете? – я похолодела в этом жарком помещении.

- Мне нужно немного ласки. Ты в моем вкусе. Я не женат, как видишь, потому что девушкам не нравлюсь. По правде говоря, никто не соглашается переспать со мной бесплатно. Но я щедрый. Ты останешься довольна. Мне нужна постоянная партнерша. Ты доставишь удовольствие мне, а я – тебе: вытащу тебя из той дыры, в которой ты сейчас работаешь. Обещаю платить больше. Намного больше, чем ты зарабатываешь там.

- Боже, - от неожиданности я даже нервно хихикнула, не веря своим ушам. – Вы это всерьез?

- Да. Решайся. Я честный человек. Встречаться можем на моей территории. Такси, разумеется, я оплачу отдельно.

Он пожирал меня глазами. Теперь его сексуальный интерес был самым очевидным.

- Не смотрите на меня так, - засобиралась я уходить, и он меня не останавливал, будто чувствовал, что я все равно никуда не денусь. – Я не настроена начинать прямо сейчас… Не надо раздевать меня глазами. Но я обязательно подумаю над вашим предложением…

Разумеется, я пошутила и не собиралась даже и думать об этом! Я выразилась достаточно учтиво, чтобы без проблем покинуть этот дом, не разозлив его хозяина, чей нрав был мне пока не известен. Но он воспринял мое обещание обдумать всерьез:

- Я буду ждать ответ. Ответь, пожалуйста, в ближайшие дни. Мой телефон – на корешке от посылки. Жду звонка!

Он проводил меня до машины. Я отъезжала от его дома с твердым намерением уволиться с этой чертовой работы, на которой мне приходится иметь дело с разными извращенцами!

Сразу обмолвлюсь, что становиться содержанкой не входило в мои планы. Никогда ничего не имела против этого нужного и востребованного рода занятий, но себя я не относила к подобным «избранным». Это, увы, не мое. Я считала для себя унизительным оказывать мужчинам интимные услуги за деньги. Тем более избрать это как свой единственный и основной источник дохода и полностью зависеть от кого-то, быть у кого-то на иждивении… Да это просто безумие!

Я решила выбросить это нелепое происшествие из головы. Просто не думать о нем, как и о куче других абсурдных вещей, неминуемо происходящих в жизни так или иначе.

Но всплывающие догадки все равно точили мой мозг, возбуждали мое воображение… Я представляла себе, как здорово не испытывать материальных проблем, ведь именно этого я и добивалась – зарабатывать больше денег; ведь именно от нехватки денег моя жизнь и выглядит такой ничтожной, и, если бы я восполнила эту потребность, насколько легче стало бы жить! Эти мысли соблазняли меня, манили каждую минуту и не давали покоя. Об этом невозможно было не думать!

Вскоре я пересмотрела свое поспешное мнение: оказывать мужчине подобные услуги больше не казалось таким уж зазорным и унизительным занятием. Это как массаж, как маникюр – всего лишь телесная услуга для удовольствия. Что в ней скабрезного? Тем более, это временно. Да неужели толкать газель в пургу менее унизительно? И если я наемная рабочая, то какая разница, кому продавать свой труд? Не лучше ли продать его подороже? Ведь эту поганую, постылую работу за копейки я считала наимерзейшим унижением в своей жизни. Подработка? Неплохой вариант, если бы он и правда помог. Порой я считала себя презренной лентяйкой, которая отлынивает от настоящего труда, жалуясь на зарплату. Однако много работать не равно много зарабатывать. Сама действительность доказала мне сей факт: когда я работала на износ, переработка не приносила мне ничего, кроме выгорания.

С тех пор моя работа с каждым днем становилась для меня все более раздражающим бременем, а соблазн согласиться на предложение моего клиента – все неотступнее. Желание решить все материальные проблемы разом перевешивало возможные минусы этой сделки – лечь в постель с малознакомым человеком, который нисколько не привлекал меня как мужчина. Разве нельзя потерпеть? Ведь терплю же я свою ненавистную работу!

Принять это «непристойное» предложение меня также подстегивало безудержное внимание мужчин в моем рабочем коллективе. Среди моих коллег были те, кого бы я назвала своими скрытыми поклонниками (скрытыми, потому что все эти тайные поклонники были женаты). Устав вести подсчет их недвусмысленным намекам, я убедилась в том, что похоть – основное кредо абсолютно всех существ мужского пола (именуемого себя сильным, но почему-то легко ведомого сиюминутными желаниями и порывами). Если я так нравлюсь мужчинам, почему бы не воспользоваться этой подаренной природой возможностью для обогащения, ведь каждый зарабатывает как может? Зачем пропадать добру? К тому же, оплата женского труда почему-то ощутимо уступала оплате мужского, что наводило меня на мысль, что сами мужчины порой вынуждают женщин продавать свои услуги за деньги, тем более если спрос первый порождает предложение. Более того: спрос значительно превышает предложение! Создается впечатление, будто мужчины сами жаждут этих услуг и намеренно недоплачивают женщинам, чтобы у последних не оставалось выбора (я всегда подозревала здесь какую-то едва уловимую закономерность)! Женский труд оценивается дешевле не просто так: таким образом мужчины стремятся поставить их в зависимое положение, держать их на коротком поводке. Страшно себе представить эту разновидность массового апокалипсиса: если бы вдруг все женщины планеты отказались оказывать эти услуги за деньги, то всеми правдами и неправдами, митингами, мольбами или даже законами мужчины потребовали бы вернуть их обратно. Если бы женщины перестали предоставлять эти «услуги первостепенной важности», то и без того высокий уровень насилия возрос бы до запредельных высот. Работая в мужском коллективе, я раскусила эту бесхитростную схему: мужчины поголовно нуждаются в «услугах», хоть и молчат об этом женам, друзьям, коллегам, а иногда и самим себе, хуля женщин за развратность и порочность прямо у тех за спиной и красноречиво объявляя «греховный бизнес» запретным и даже преступным. Они могут сколько угодно обзывать женщин грязными шлюхами, а сами тем временем без зазрения совести охотно пачкаться в их же грязи. Причем женщины никогда не занимаются этим от хорошей жизни, скорее только ради денег, чего не скажешь о мужчинах: эти промышляют секретными похождениями даже будучи женатыми.

Окончательно сдаться меня заставил звонок моего будущего «работодателя». Видимо, ему настолько безотлагательно и во что бы то ни стало необходимо было мое согласие, что он выудил мой номер у кого-то из моих коллег.

Я пропищала в трубку, что согласна, но на всякий случай не буду бросать основную работу. Мне было необходимо вначале проверить его на честность и порядочность, чтобы потом не остаться без всего. Он был согласен на любые мои условия и, как мне показалось, очень обрадован. Настолько обрадован, что назначил наше первое свидание уже на сегодня.

Наша первая встреча была волнительна и несколько невинна. Я завила небрежные кудри, накрасила губы красной помадой, натянула облегающее платье, черные колготки и сапоги на каблуках. В таком роскошном облике меня к нему и доставило такси. Он одобряюще улыбнулся, оценив мой вид:

- Люблю, когда девушка старается для меня!

Все прошло очень безобидно и нежно. Наш первый раз позволил мне уяснить для себя кое-какие выводы. Во-первых, этот человек обходительный, порядочный и честный. С первой встречи в такой обстановке мы стали не только любовниками, но и друзьями: он был не прочь побеседовать со мной по душам. Во-вторых, я поняла, почему он не нравится девушкам: в нем не хватает мускулинности. Женщины считывают это на подсознательном уровне. Его голос был слишком высок и тонок, тогда как женщин обычно привлекают более грубые и низкие тембры, а также его фигура была достаточно тощей и неспортивной, почти без мышечной массы, и из-за этого он казался женоподобным. Его тонкие музыкальные пальцы были размером с мои, и это также не добавляло ему мужественности. Но самое очевидное, что явно отталкивало всех женщин – это его запах. Он источал феромоны, которые привлекли бы, пожалуй, только очень редкую любительницу. Его абсолютно чистое тело излучало неприятный запах. Если с его фигурой, голосом и пальцами я еще смирялась, то к «аромату» мне пришлось привыкать.

Ну а в-третьих, деньги! Он меня не обманул. Я покинула его дом с удовлетворительной для меня суммой. Он и правда оказался щедр и богат!

Так началось наше сотрудничество, так закипел этот котел, в котором мне пришлось повариться… Я продолжала трудиться курьером, а пару раз в неделю подрабатывала со своим «спонсором», как я его прозвала. Он исправно платил за каждый раз, а я прилежно копила деньги на свое первое путешествие. С тех пор жизнь не казалась мне такой уж ничтожной, ведь вскоре мои материальные проблемы были решены…

Именно в ту пору в моей юной головке и зародился тот самый пресловутый «пунктик на возрасте», который крайне редко обходит стороной представительниц прекрасного пола в возрасте «до тридцати». По мнению мужчин (в частности, моего спонсора тоже), так называемая «женщина до тридцати» обладает сверх-фантастическими качествами, такими как: молодость, свежесть, упругость, стройность и изысканный аромат нераскрытого бутона. Почему сверх-фантастическими? Потому что, по их мнению, все эти качества магическим образом улетучиваются, когда женщина переступает порог тридцатилетия. Мужчины всерьез убеждены, будто вместе с тридцатью годками к женщине приходит мгновенная старость, кожа ее морщится, обвисает, тело ее обрастает жиром, и вся она вдруг начинает источать несвежее зловоние. Именно по этой причине «женщина за тридцать» нарекается «неликвидом» и вещью, отслужившей свой срок. Мой спонсор искал девушку с конкретным возрастным диапазоном «до тридцати», будучи уверенным, что «старуха за тридцать» будет противной бабищей, не обладающей теми прелестями, за которые бы он платил ей деньги.

В мои двадцать два года мне казалось, что тридцать лет наступят еще очень нескоро, а внушенное предубеждение заставляло меня думать, будто в том возрасте я и правда состарюсь. Страх бегущих лет впоследствии все сильнее давил на меня, все настойчивее напоминал, что не за горами тот рубеж, когда я превращусь в старую, никому не нужную, отжившую свой век тетку, и даже этот дурно пахнущий сорокачетырехлетний богач не отдаст за меня ни копейки. Буду ли я сокрушаться по этому поводу, когда мне стукнет тридцать?

Смею саркастически заметить, что, по моим личным наблюдениям, не каждая «девушка до тридцати» обладает стройностью, упругостью и приятным ароматом, а также не каждая «женщина за тридцать» непременно становится безобразной потрепанной жирухой с сединой и морщинами, однако здесь мужская логика ограничивается индукционным стереотипом. Мужчинам легче сгрести всех под одну гребенку. Именно они внушают женщинам страх возраста, чтобы те поторопились выскочить замуж, пока свежи и благоуханны (а главное – глупы!), а

иначе нагрянет переломный момент, когда будет поздно и придется заскакивать в последний вагон…

Насколько же очевидно и бездарно мужчины пытаются замаскировать собственную ничтожность и убедить молоденьких девушек поскорее связать себя узами Гименея, пока те не прозрели и не поняли всю хитрую подоплеку брака! У них для этого есть рамки возраста «до тридцати», ибо «после тридцати» женщины умнеют и их не так-то просто поймать в сети. Все эти заманивающие прозвища вроде «старородящих», «целомудренных» и «старых дев» нацелены на то, чтобы втемяшить женщинам лживые установки, будто у них есть в запасе только период «до тридцати», чтобы успеть устроить личную жизнь и реализоваться как женщине, а иначе срок годности истечет, и ее можно будет гнобить уже по другому поводу. Такие «просроченные девы» тоже не оставляются в покое, а подвергаются дальнейшему давлению и издевкам. И все вертится вокруг мужчин: реализованность женщины почему-то зиждется на отношениях с мужчиной. Если с мужчиной сложилось, значит, ей повезло. А если она осталась одна, значит, ее можно прессовать и дальше.

Именно такие потребительско-коммерческие отношения со спонсором внушили мне убеждение, что мой «ценник» дешевеет с каждым прожитым годом, что все мужчины (а не только мой спонсор) оценивают женщин по возрастным критериям и снижают таксу по ходу времени. Тайно или явно, именно так они и поступают на самом деле…

Но я понимала, что не смогу заниматься этим вечно. Первая эйфория от дополнительных денег, увы, не продержалась долго. На ряду с представившейся возможностью обновить гардероб и слетать в путешествие мечты меня все равно не покидало чувство скребущего душу унижения. Удовлетворения от жизни все еще не было. Я не могла с уверенностью констатировать, что жизнь удалась. Каждая встреча со спонсором, по правде говоря, была для меня пыткой, и это не могло продолжаться всю жизнь. Вскоре его «аромат» стал для меня настолько тошнотворным, что больше терпеть не было сил. Я поймала себя на том, что начала неосознанно искать причины для отмены встреч с ним, ссылаясь на ложную занятость или внезапно нагрянувшую усталость, а те свидания, что у нас еще были, представлялись мне истинным наказанием. Деньги больше не были настолько вожделенной целью, теперь мне хотелось покоя и освобождения. Никакие деньги, заработанные таким неоднозначным способом, не стоят того, чтобы переступать через себя и терпеть то, что просто невыносимо.

Продержалась я, однако, довольно долго. Целых два года. За это время я скопила свой неприкосновенный запас на вероятность будущей свободной жизни, вдоволь насытилась процветанием и с гордо поднятой головой объявила своему благодетелю, что пришло время прощаться. Дальше наши судьбы должны разойтись по разным направлениям. Он был очень расстроен, но мирно отпустил меня восвояси, признавшись напоследок, что я была у него лучшей. Это известие никак во мне не отозвалось, не откликнулось ни малейшим порывом честолюбия, не заставило возгордиться собой как передовой «труженицей». Впереди меня ждала свобода!

Я была очень благодарна ему за помощь и деликатность, но после такого испытания пообещала себе больше никогда не зарабатывать деньги этим путем. Доля подсознательного унижения присутствует в ситуации, когда нужно что-то или кого-то терпеть, даже когда вполне искреннее самоуспокоение нашептывает тебе, что твоя «подработка» непыльная и приносит легкие и быстрые деньги. Терпение не вечно, оно заканчивается рано или поздно (конечно, если тебе на себя не наплевать). Да и легкими деньгами это, по правде говоря, не назовешь. Пережитой опыт заставил меня сильнее себя полюбить и вовремя сказать «нет» тому, что начинало меня разрушать. Я постепенно училась выметать из своей жизни все, что не делало меня счастливой, но мне еще очень долго предстояло совершенствоваться в постижении данной науки.

Глава 4

Глава четвертая

В выходные мы с Региной и детьми отправились на двухдневный уикенд на соседний остров. Зарезервировав скоростной паром, спустя полчаса водного пути мы ступили на дикую землю Нуса Пенида. Когда живешь в курортном раю долгое время, свежесть впечатлений неумолимо притупляется и хочется какого-либо разнообразия, «курорта в курорте». Остров мы еще ни разу не посещали, и он манил нас своей непознаваемой сказочностью и знаменитой красотой, поэтому все четверо мы были в одинаковой степени любопытными детьми, сладостно ожидающими волшебного сюрприза.

За нашими спинами торчали рюкзаки с едой и палатками. Мы приплыли сюда дикарями, чтобы встретить здесь рассвет и проводить закат, а также переночевать на природе, не бронируя хостел. Спуск на Даймонд-бич представлял собой узкую лестницу, прорезанную в скале, по которой необходимо крайне осторожно сходить вниз, рискуя сорваться в воду и пораниться о рифы. То поддерживая детей за руку, то беря их в охапку, мы перепрыгивали торчащие верхушки скал и цеплялись за ветки прибрежных растений, преодолевая этот тернистый путь на плато нашей мечты.

Наконец, мы достигли точки желания. В этом диковатом месте было малолюдно и чисто. Мы разместились подальше от воды, выбрав местом нашей локации кристально белый песок, не так сильно изрытый крабами. Пальмовый тент создал неплохой шалаш из теней для наших детей. За их досуг можно было не переживать: белоснежная песочница к их услугам.

Пока я лежала на покрывале, загорая на солнышке, Регина отправилась обследовать пляж в поисках эпичных ракурсов для съемок. Нельзя упускать шанс, пока мы здесь. Ее блогерское чутье всегда и всюду выискивало любые цепляющие внимание объекты, которые можно было заснять на камеру. Я же отношусь к числу тех, кто живет в моменте и намеренно забывает про архивы, чтобы не упустить ярчайшие переживания чувства красоты, предпочитая созерцать, вдыхать аромат, погружаться в саму суть и жить, зная, что этот момент никогда не повторится. Фотографии и видео бессильны передать эту магию, а испытанные эмоции навсегда закрепятся в воспоминаниях. Пребывая в каком-нибудь волшебном месте вроде этого, я могу не щелкнуть ни единого кадра, но запечатлеть пейзажи глазами души, ведь именно там находятся самые дорогие и ценные архивы, место которым только в моей памяти.

Краем глаза присматривая за детьми, я отдавалась этому чарующему моменту «здесь и сейчас», что изрядно увлекало и уводило в магию текучести времени. Вот и сейчас я лежу на песке и окунаюсь с головой в настоящую секунду: я вижу, как ветер играет песком из стороны в сторону, я слышу неустанный шум набегающих волн, свежий аромат с силой врывается в мои ноздри и наполняет мои легкие резким головокружительным порывом воздуха, моя кожа покрывается пупырышками от перепада воздействия сил природы – то пробившаяся сквозь листву пальмы жара, то снова океанский ветер, прохладный, ревущий, великий. Я закрываю глаза и в уме считаю секунды: одна, две, три… Эти дорогие секунды осознанности жизни. Я всем телом ощущаю красоту этого полудикого острова и ловлю последние лучи солнца, заходящего за поросшую травой высоченную скалу, от величия которой захватывает дух.

Переправа на пароме и долгий спуск к пляжу отняли у нас много времени, поэтому насладиться солнцем в этой низменной части острова нам довелось всего несколько часов. Дальше пляж покрыла тень скалы, и краски сменились послеполуденной блеклостью. Небольшая кучка туристов уже завершила свой променад и группками перепрыгивала рифы, готовясь к восхождению наверх. Путь им предстоял непростой, но они выглядели спортивными и бодрыми и явно

имели представление о необходимой подготовке при посещении данного пляжа. Без физической выносливости и сноровки сюда лучше не соваться.

Знали об этом и мы. Парочка дайверов вынырнула из воды и меняла экипировку, пока мы с мальчиками поджидали возвращения Регины. Надеюсь, ей хватило времени для составления набросков своему дебютному видеоролику. На мой взгляд, здесь куда ни глянь – везде драгоценные кадры, красоту которых все же не сумеет передать даже самая лучшая камера.

Мы сложили вещи в рюкзаки и ждали Регину. Нас ожидал долгий и трудоемкий путь вверх по скале, и проделать его нужно было ловко и без заминок, чтобы успеть увидеть красивейший закат мира. Нам также предстояло найти место для ночлега, поужинать и успеть все это до наступления темноты ранней тропической ночи.

Она вернулась, наполненная внутренним свечением и вдохновленная пейзажами.

- Хотя бы раз в жизни, но это стоит увидеть каждому! – был ее вывод.

- Пойдем скорее наверх, потом покажешь снимки, - поторопила я подругу.

Мы взгромоздили рюкзаки на плечи и взяли детей за руки. Подъем на скалу ожидаемо оказался сложнее спуска. Когда мы спускались, мы боялись захватывающих видов с обрыва и угрожающего плеска волн под нашими ногами, мы остерегались сорваться вниз от головокружения и усталости. Поднимаясь наверх, мы пожалели, что взяли с собой детей. Почти весь путь нам пришлось нести их на руках и выслушивать их капризы, поэтому к финишу мы с Региной были выжатые, как лимоны. Однако все это стоило того, чтобы в памяти и в камере остались ценные кадры.

Наверху мы построили палатки, недолго перевели дух и покормили детей, которые уже умирали от бессилия и жажды сна. Когда, наконец, мальчики улеглись спать, мы с подругой перекусили темпе с овощным салатом и безмолвно лицезрели закат по другую сторону острова. Сегодняшняя облачность создала настоящее произведение искусства: сине-пурпурные краски слились с оттенками лилово-красных тонов, которые разрисовали небо завораживающими узорами. Разноцветные мазки напоминали полотна Моне. Наша усталость была трансоподобной. Мы вроде и не хотели спать, но не произносили ни слова, будто сговариваясь не сотрясать воздух этого святого места. Лишь немного позже я молча просмотрела отснятый материал своей подруги и кратко похвалила ее за мастерски проделанную работу. Этот тяжкий день прошел не зря.

Мы сладко выспались на природе, и к утру нашу усталость как рукой сняло. Правда, открыв поутру глаза, первое, что бросилось мне в глаза, - это полчища наводнивших нашу палатку гекконов. За полтора года жизни в тропической стране я свыклась с тем, что эти существа постоянно лезут в человеческие жилища, но до сих пор немного брезговала от их визитов. Зато мой сын любил играть с ними и даже однажды поймал одного за хвост, который тут же остался в его руке. Как и все ящерицы, эти тоже отбрасывают хвосты при опасности.

От нашего шевеления вертлявые пресмыкающиеся мигом разбежались, после чего мы позавтракали и снова собрались в путь. На сегодня программа была менее утомительной. Мы условились поехать в столицу острова, а оттуда – в знаменитую ангельскую купальню – чистейший источник лазурного океана.

Нас весьма соблазняла идея пристроить детей в какой-нибудь игровой вольер за небольшую почасовую оплату, чтобы, пока мы осуществим свои планы, местный бебиситтер обеспечил бы им увлекательный досуг всего на несколько часов. Но раз уж мы взяли детей с собой, они тоже имеют право побывать в дивных местах, поэтому решено было держаться вместе, как и подобает сплоченным семьям.

Так как ни я, ни моя подруга не обладали навыками вождения байка, нам не имело резона брать транспорт напрокат. Перемещение по острову автостопом – лучшее решение для беспомощных и общительных путешественников. За опыт жизни в Индонезии мы усвоили, что местный народ очень дружелюбный и всегда придет на помощь заблудшим туристам, в осо-

бенности с маленькими детьми. На один байк все мы бы не поместились, поэтому, условившись встретиться возле одного из супермаркетов на въезде в город, мы с Оскаром умчали на первом же остановившемся байке, а моя подруга с сыном – на следующем. Дорога в город вела всего одна, поэтому мы не могли не найти друг друга и разминуться. Приветливые водители не взяли с нас ни рупии и даже любезно указали нам на искомый магазин. Вскоре мы вчетвером воссоединились на входе в местный супермаркет, где намеревались закупиться запасами еды и воды на грядущий день.

Сампалан представлял собой типичный провинциальный городок-порт с самой необходимой инфраструктурой. После магазина мы посетили рынок, где запаслись папайей, манго и бананами – дети не могли прожить и дня без этих сочных сладостей. Да и я с первого визита в эту страну сразу влюбилась в манго – оно остается моим любимым фруктом. Далее навигатор отыскал для нас ближайший ресторан, где бы мы могли скоротать часок, подкрепившись перед ответственной поездкой в купальню. Все было в шаговой доступности, и вскоре мы вкушали яства местной кухни вперемешку с европейской, заодно отдыхая от палящего солнца в прохладном заведении столицы острова.

До купальни ангелов мы тоже добирались на маршрутных байках. Мы прибыли туда также по очереди, еще застав там толпы туристов. Сегодня был отлив, поэтому посетители заполнили собой этот дивный природный бассейн, желая воспользоваться шансом окунуться в ангельскую бухту. Места хватит всем, поэтому мы переоделись в купальники, воздвигли для детей палатку, в которой разместили вещи, наказали мальчикам строго быть здесь и стеречь имущество, пообещали их искупать позже, когда рассеется народ, и направились к водоему.

Купальня была чем-то вроде нерукотворной бухты между двумя скалами. Созданный природой альков с чистейшей бирюзовой водой одним боком уходил в океан, обнажая свою священность только во время отлива. Нам повезло: океан был спокоен и дал нам возможность побарахтаться в теплой купели.

- Как же хорошо! – полушептала я, отдаваясь всем телом живительной влаге, обнимавшей меня мощью своего величия.

Мы закрыли глаза и предоставили себя силам чуткой природы. Мы были обласканы мягкими волнами и двигались в такт нежной стихии. За свой недолгий период проживания в тропиках я вполне свыклась с местным размеренным образом жизни, не спешащими часами, никуда не торопящимися людьми, смакующими каждую минуту жизни, не упускающими ни мгновения вяло текущего времени. Но в этой божественной ванне я снова удивлялась, что нахожусь в пределах все той же планеты, что я все еще не сменила измерение и не перешагнула в параллельный мир, хотя, казалось бы, еще немного этого неземного гипноза – и я поверила бы в то, что моя душа ненадолго улетела в рай.

- Даже не верится, что на этой планете еще есть где-то зима, - вздохнула я.

- А где-то она прямо сейчас, представь себе, - усмехнулась моя подруга. – С самым настоящим снегом!

Картины прошлой жизни мигом врезались мне в память: слепящая, морозная белизна, сменяющаяся серой слякотью на протоптанных лабиринтах «народных троп», скользкая грязь, уродливое месиво под ногами, промозглый ветер, пожухлые деревья, сизое небо, сумрак и тоска… Я всю жизнь ненавижу снег…

- Кажется, что все это было не со мной, - бормотала я. – Холод, промокшие ноги, постоянное ожидание лета, гололед... Б-р-р-р…

- Ты выбрала правильное направление! – подхватила Регина. – Здесь лето круглый год!

- Однажды я сбежала сюда от прошлого, бежала, не оборачиваясь. И от зимы, и от всего того, что мне мешало. Моя жизнь там была как вечная зима.

- Главное, не бежать от самой себя, - мне нравилась миролюбивая философия Регины. – Чтобы такой далекий путь был проделан не зря.

- Я никогда не бежала от себя. От себя, как известно, не убежишь. Я сбежала сюда, чтобы жить другой жизнью.

- Ты одна их многих, кто сюда приехал.

- Мне кажется, это место для таких, как я.

- Да, жизнь за экватором как жизнь в другой галактике. Все уже не может быть как прежде. Это место само меняет тебя, хочешь ты этого или нет.

Вдоволь нанежившись в купальне, мы не забыли и про детей. Выбрав для них наиболее безопасную зону и подождав оттока туристов, мы искупали мальчиков в ангельских слезках.

В Сампалане нас ожидал вечерний скоростной паром до Бали. За скорость и смещение пути мы угостили наших маршрутных байкеров фруктами и отчалили от берега, до предела наполненные полученными эмоциями. Моя копилка воспоминаний обогатилась еще одним сокровищем.

Дома меня подкараулило любимое подвесное кресло. По возвращении я поспешила шлепнуться в его уютные мягкие красные подушки и раскачаться как на качелях. Я словно попадала в капсулу неги и забытья, потягивая из трубочки подсахаренный кокос, ложкой выскребая копру и боковым зрением косясь на Оскара, ухарски выгонявшего из веранды полчища гекконов, которые всегда спешили заселить дом, как только мы его покидали. Я уже успела стать своей в этой далекой стране, сумела обрести новую родину и крепко полюбить ее, сумела освоиться и пустить здесь корни, уверившись, что нашла свой причал спокойствия, довольства и стабильности. Здесь я хочу состариться и мирно закончить жизненный путь. Моя душа сроднилась со здешней реальностью и больше не гнала меня, не поднимала вихрем всю мою былую неукротимость, не восставала против чужеродности. В этой рисовой стране я обрела себя, а она в ответ гостеприимно приманила меня и укоренила в своих таинственных лесах, сказочных водопадах и еще не ведомых мне обезьяньих джунглях. Мы стали одним целым, словно изначально были созданы друг для друга.

Но так было не всегда…

В детстве я часто грезила о какой-то неведомой мне стране. Я никогда бы не подумала, что однажды буду в ней жить, однако эти всполохи эскапизма с легкостью переносили меня в придуманный моей карабкающейся за выживание психикой в параллельный мир. Именно так я хотела спастись от того убожества, в которое меня погрузила неумолимая реальность вокруг. Стоило только закрыть глаза и сосредоточиться, как я оказывалась где-то далеко, где тепло и красиво, где жизнь беззаботна и легка, где никогда не бывает зимы, где время течет в ином темпе, а само существование не кажется таким мучительным и бессмысленным. Так я хотела сбежать от нищего детства, от безысходности, серости и всеобщей апатии, царящей вокруг. Вместо депрессивных многоэтажек за окном мое воображение рисовало резные пальмы; вместо снега – злаковые поля и зеленые террасы; вместо болот – море; вместо промозглой слякоти – искристый песок. Я не знала, как может называться моя страна мечты, но была уверена, что она наверняка существует на этой многоликой планете.

Будучи подростком, я не переставала временами покидать мрачную действительность и окунаться в грезы, ибо без этого полезного и даже спасительного занятия для съезжающей с катушек психики было не обойтись, поэтому такое бегство от реальности становилось все невоздержаннее с возрастом. Возрастные рамки лишь расширяли диапазон воображаемой панорамы, и я предрекала, что, когда стану взрослой, наверняка буду путешествовать по миру и непременно найду страну, преследовавшую меня неотступно, как наваждение. Я была просто обязана ее отыскать, увидеть ее собственными глазами! Это была моя Эльдорадо, которая обогатит мою ничтожную жизнь и послужит мне местом для временного сброса якоря. Это была навязчивая фантазия, которая наравне с мечтой о счастливом замужестве унесет меня в мой идеальный мир, спасет меня от бесцельности и рутины.

Перешагнув рубеж взрослой жизни, я еще настойчивее искала избавления. Жизнь не становилась легче, приятнее или интереснее, мужчина мечты все не находился, а реальность все сильнее давила на меня своей бесперспективностью, ведь окружающая безнадега не сулила ни мне, ни таким, как я, ничего хорошего. Если меня не спасет счастье замужества, значит, спасет поиск своего места под солнцем, думалось мне. Я хотела жить, а не терпеть, не выжидать удобного момента, который, как водится, так никогда и не наступит сам. Я хотела, чтобы жизнь не была наказанием, а приносила удовольствие, иначе зачем она? Так долго продолжаться не могло. Вечный день сурка, работа за унизительный оклад, туманное будущее – все это изнашивало мое тело и душу. Я мечтала вырваться из вязкой системы и взять вожжи судьбы в свои руки.

Еще долго я не могла накопить денег на свое первое путешествие. Пришлось терпеливо и последовательно приближаться к цели, зная, что я любой ценой выполню задуманное. Страна мечты непременно будет ждать меня в конце пути, и только тогда я присяду отдохнуть, насытившись долгой дорогой.

Наконец, судьба вознаградила меня за усердие: в двадцать четыре года я уехала в дорожный вояж по Европе. Я подозревала, что вряд ли отыщу там страну мечты, но для первой заграничной поездки сгодилось ближнее зарубежье. Мой первый курс был на запад.

Я исколесила семь европейских стран и поняла, что среди них нет «той самой». Но поездка пришлась мне на пользу, ведь вытащить себя из помойной ямы хотя бы на короткое время уже представилось высшим благом. Она подарила мне первый опыт туризма, а также разожгла во мне еще больше азарта для изучения иных культур и мест. Теперь мое любопытство разыгралось с нахлынувшей страстью, и дальние уголки мира манили меня своей неопознанностью.

Путешествия разбавили блеклость моей жизни свежими красками. Жажда новых познаний и тяга к перемещениям помогали мне понять, что не везде условия жизни такие же застойные и мрачные, как в моем заброшенном гнезде. Это придавало мне сил сражаться с привычными реалиями, в которые так или иначе приходилось возвращаться, ведь там все еще увяз мой злосчастный якорь. Мне доводилось каждый раз брать старт и отчаливать от своего мутного омута, чтобы потом заплывать к настоящим морям.

Параллельно с путешествиями я предпринимала попытки найти любимого мужчину. Я старалась разукрасить свою жизнь как можно насыщеннее, чтобы дышать всеми фибрами души, чтобы быть полноценным человеком, жизнь которого наделена любовью, приключениями, яркими эмоциями и приятными заботами. Но увы, любви в моей жизни не предвиделось. В ней были мужчины. Но не было любви…

В ту пору единственной радостью в жизни для меня стали путешествия. Тогда я еще не достигла более высокой точки счастья, которая позволяла бы мне испытывать радость от чего-то другого.

Каждое новое травмирующее любовное приключение все больнее било по мне, все явственнее отдавалось во мне отзвуком иссякающей надежды, нарастающей унылости и близящегося тупика. Горечь поражений все настойчивее сулила мне неотвратимость фрустрации – состояния, которое мерещилось мне в кошмарных видениях, когда воображение заносило меня все дальше в будущее. Попытка заглянуть в предполагаемое грядущее не приносила утешения, но подсказывала, что, вероятнее всего, я нахожусь где-то не на своем месте, а все, что происходит вокруг, - это не мое. Словом, никакого будущего вовсе не было, а была лишь спасительная догадка, что мне остро необходимо куда-то бежать и немедля искать свое истинное пристанище.

Когда мне исполнилось тридцать, унизительная история моей безответной любви к парню из Средней Азии, к счастью, была позади, оставив после себя шлейф долгой депрессии, разочарования и суицидальных идей. Та неряшливая влюбленность надолго выбила меня из

колеи, приключившись со мной после долгой череды амурных неудач, и без того надломивших и потрепавших меня хлесткими ударами суровой и неумолимой правды жизни. Я была окончательно вымотана бесконечными и ни к чему не приводящими усилиями уладить личное счастье.

В попытках зализать душевные раны и вселить в себя хоть какое-то оправдание для дальнейшей жизни я подбирала подходящие мне психологические техники. Для начала я приняла решение больше никогда не иметь с мужчинами близких отношений, не влюбляться и уж тем более больше не стремиться замуж. Мужчины настолько искалечили мне жизнь, что я зареклась связываться с ними. Я не стала мужененавистницей, но четко усвоила, что мужчины и брак – это, видимо, не мое, поэтому не стоит и дальше пытаться построить то, что тут же сдувает ветер судьбы. Провидение словно пыталось намекнуть мне: «Не лезь, куда не следует, если не хочешь опять больно ушибиться, падая с небес на землю».

Итак, урок был усвоен. Но оставались последствия, и они требовали их немедленного устранения. Так твердил мой инстинкт самосохранения. В ход были пущены все возможные способы: вкусная еда, уход за внешностью, прослушивание любимой музыки, танцы, йога, просмотр поднимающих настроение и дух фильмов и конечно же работа, работа, работа… Работа позволяла забыться, отвлечься и дать ход скорейшему оттоку времени. А время, как известно, лечит.

А еще помогало следование цели. Когда знаешь, ради чего стараешься, силы многократно приумножаются. И цель не замедлила появиться.

Частые порывы нежности к себе – это часть душевной терапии. Это вошло в каждодневную привычку. А когда изо дня в день долгое время вынашиваешь в себе идею возрождения, то рано или поздно наступает инсайт – что-то или кто-то приведет тебя к высвобождению накопленных чувств и наставит на путь истинный. Со мной это произошло после сеанса вдохновляющего на перемены фильма. Сюжет был о путешествии в Индонезию, куда главная героиня отправилась, бросив все и взяв с собой лишь желание все поменять. После просмотра этого фильма со мной случилось озарение – вот она, страна моей мечты! Это о ней я грезила, и именно сейчас настал тот час, когда пора расстаться с прошлым и бежать! Бежать не от себя, а наоборот – прихватить с собой себя и срочно менять боль на обновление, уязвимость – на уверенность, а состояние жертвы – на любовь к себе.

Таким образом, если не принимать в расчет мой список несбывшихся мечт, то все выглядит не столь печально: одна мечта все же наполовину исполнилась. Почему наполовину? Потому что я бы предпочла расширять кругозор, колесить по миру и отправиться на поиски страны своей мечты на пару с любимым человеком. Мне вовсе не хотелось все делать в одиночку…

Цель была ясна. Целый год я откладывала деньги на путешествие мечты, попутно приводя в порядок свои тело и душу. Я просчитала каждый шаг: когда сумма будет собрана, я куплю билет в один конец, уволюсь с ненавистной работы, соберу в чемодан все, без чего долго не смогу обходиться, и улечу подальше отсюда, за экватор, навстречу вечному лету и душевному отдохновению. Я не загадывала, на какое время или, может быть, навсегда, зато я точно знала, что если я и вернусь, то вернусь обратно другим человеком.

Эта поездка станет для меня рубежом, разделяющим жизнь на «до» и «после». Я многое должна буду переосмыслить в этом духовном путешествии. Очень знаковым было для меня то, что страна, в которую я собралась лететь, находится так далеко. Чем дальше, тем эффективнее я убегу от проблем, которые останутся здесь и не будут меня поджидать по возвращении. Они просто растворятся в воздухе, повиснут где-то в матрице прошлого, замрут во времени и больше никогда не будут со мной одним целым. Они превратятся в мои воспоминания… Пора громить эту смертоносную систему с нелюбимой работой, неустроенной личной жизнью, раз-

битыми мечтами детства, бесконечным разрушительным днем сурка и все новыми и новыми душевными ранами! Я, наконец, решила, что с меня хватит!

Когда деньги были собраны и настал желанный день фееричного увольнения, последний рабочий день, я отметила его в ресторане. В совершенном одиночестве я сидела за столиком и пила обжигающий приторно-пряный глинтвейн, празднуя в душе свой день свободы. Теперь с днем сурка было покончено. Мое путешествие уже не за горами! Эта мысль пьянила меня.

Наконец, наступил и день моего отъезда. Мне предстояло лететь на трех самолетах двое суток. Сам процесс перемещения в такую даль уже действовал на меня лечебным образом, ведь только заядлым путешественникам известно, как самолет растворяет тоску. После двух суток в воздухе мои печали превратятся в легкую усталость и приятный недосып. Я все наверстаю на этом магическом острове, восстановлю все силы благодаря близости океана.

Желание видеть Бали и предвкушение близкого счастья придали мне сил в моем странствии. Моя усталость была легкой, почти незаметной, а недосып вовсе не чувствовался. По прибытию в отель я приняла душ, сменила одежду и отправилась к океану. Я упала коленями на благословенный песок и заплакала от счастья. Я ощущала невесомость и освобождение. Больше не было депрессии, боли, унижения и зимы. Все это осталось там, где-то на другой планете и в ином измерении. А я – здесь, готовая собрать себя по кусочкам заново, но только правильно распределив пазлы. Я как чистый лист, на котором вскоре нарисую совсем другую Ангелину.

С той поры я решила больше не гнаться за тем, что и так от меня ускользало, больше не искать мужчину для создания семьи, больше не искать любви. То, что я решила наращивать внутри, - это любовь к себе. Теперь это стало самым главным и первостепенным, что должно наполнить мою новую жизнь, а все остальное я легко отпустила, как чуждое мне бремя.

Время на острове тянулось как мед, также сладко и плавно. Я отдыхала, купалась, загорала, отторгнув внутренний диалог. Если отныне я как чистый лист, значит, нужно отбросить все беспокойства и отдаться магии острова. Он сам должен направить мое сознание в правильное русло. Я плыла по течению его особенного темпа и пыталась словить нужную волну, которая захлестнет меня с головой и заставит вынырнуть наружу уже новым человеком, новой личностью с измененным мышлением.

Экзотические фрукты, дружелюбное солнце, неторопливая текучесть времени, где каждая минута - воздушный миф, тропические леса, рисовые плантации, гудение байков, темные жаркие ночи, дивные водопады – все это постепенно помогало мне обрести себя заново. Так много всего я делала и видела в жизни впервые! Переворот сознания был неминуем. Это именно «та самая» страна, я не ошиблась! Я почувствовала это с первого дня, с первого шага, когда ступила на эту обетованную землю.

Но больше всего меня вдохновляли люди вокруг. Нет, не соотечественники, которых было здесь превеликое множество, - те также казались иными, на них действовала сила острова, они были особенными в этих неземных широтах, какими-то сверхлюдьми. Но коренные островитяне гораздо больше притягивали меня своим необъяснимым магнитом.

Балийцы представлялись мне идеалом человеческой расы. Отлично сложенные, с крепкими белыми зубами, черными без проседи волосами и манящего глаз оттенка кофейной кожей они и в зрелом возрасте сохраняли молодость. Их рыбьи глаза с опущенным внутренним веком таили в себе какую-то только им свойственную мудрость этого далекого, райского острова, а может быть, и всей юго-восточной Азии. Мне казалось, что только они знают толк в истинном предназначении человека, знают тайну правильной жизни и смело бросают вызов нам, искушенным европейцам. И постичь эту тайну нам, людям с большой земли, пресыщенным сибаритам будет крайне трудно. Для этого нужно здесь жить. А пока меня восхищали здоровье, дружелюбие, гостеприимство и неспешность этих чудо-людей, и я хотела приобщиться к ним насколько это возможно.

Я предпочитала проводить свои дни в уединении. Для успешной трансформации я уж точно не нуждалась в чьей-то компании. Так я располагала открытым доступом к глубинам своей наболевшей психики и имела возможность планировать каждый свой день по зову желания. Мне достаточно было просто здороваться с живущими по соседству островитянами и перебрасываться с ними дежурными фразами о самочувствии и погоде. Первое время меня удовлетворяла такая весьма ограниченная тактика общения со словоохотливыми, приветливыми людьми. Для душевного равновесия мне было достаточно всего нескольких фраз и улыбки, чтобы на весь предстоящий день зарядиться отменным настроением и мотивацией.

Спустя две недели моего пребывания на острове я познакомилась с местным мужчиной. Он был одним из представителей сильной азиатской генетики, которая меня так восхищала: длинные черные густые волосы, гладкая кожа без единой мимической морщины, поджарая фигура танцора, рыбий разрез глаз, выдающиеся скулы и ровный ряд белоснежных зубов. Первозданная красота человека, не поврежденная соблазнами цивилизации. Его золотисто-коричневая кожа поблескивала на солнце, лоснилась здоровым глянцем, а влажная после купания, она отражала солнечные блики на холмистых мускулах.

Его звали Рики. Этот экзотический абориген был родом с Явы. На соседний остров он приплыл на заработки: в смежном районе строился новый отель, и Рики работал там кем-то вроде подсобного рабочего. Он неплохо говорил по-английски и оказался довольно общительным человеком, как, впрочем, и большинство индонезийцев. Когда он непрошено уселся подле меня на песок, я насторожилась, подозревая, что это один из тех, кто впихивает туристам свои услуги гида или что-то в этом роде. На всех курортах встречаются такие зазывалы. Но он начал с фразы:

- Откуда вы?

Я внимательно осмотрела этого пляжного мачо с мокрыми космами и прочла в его черных глазах скорее искренний интерес, нежели жадный поиск выгодной сделки. Что же, я не против побеседовать, тем более что уже успела соскучиться по человеческому общению, поэтому вздохнула:

- Я не хочу вспоминать, откуда я…

- Вот как! Дайте угадаю: вы здесь на духовной терапии!

- А вы уже привыкли к таким, как я? – поморщилась я.

- Что вы! Я только хотел предложить вам помощь. Я знаю, что вам нужно!

- Уже многим помогли?

- Нет, вы первая. Честно! Я нездешний, я – коренной яванец. Не поймите меня неправильно.

- Послушайте, мне не нужны услуги сопровождения…

- Я не об этом. Денег мне от вас не нужно. Я предлагаю вам сердце, - он протянул мне руку, будто на ней лежало его невидимое сердце.

- Как это?

- Это значит, я предлагаю вам разделить со мной компанию. Я с вами честен от всего сердца. Таков наш обычай.

- Ух ты! Ну хорошо. По рукам! – я была легка на подъем, поэтому приняла его знакомство.

По его обычаю я вложила свою руку в его и отдала ему свое сердце. По крайней мере, мне понравилось, как это необычно звучит.

Гуляя по пляжу, мы делились друг с другом подробностями своих судеб. Я была уверена, что он моложе меня, но он заверил меня, что ему сорок пять. Вот это генетика, подумала я. А может быть, всему виной экология? Почему эти люди так хорошо сохраняются с годами? Солнце, фрукты, близость океана? Возможно, дело во всем этом… Неспешный образ жизни, минимум стресса, рисово-овощная диета – и там, где погибнет прыткий европеец, выживет

медлительный азиат. Ведь не зря именно азиатские страны самые плодовитые и густонаселенные!

Вот и от этого самца явно родились здоровые и красивые дети. Это было моей догадкой. Я осмелилась спросить его об этом, и оказалась права. Он показал мне фотографии своих двух дочерей, которыми бесконечно гордился. «Идеальный донор для производства потомства! – промелькнуло у меня в голове. – Физически развитый, пышущий здоровьем чистокровный самец! Человечество не погибнет благодаря таким, как он».

Он и правда угадал, что мне нужно. Мы стали проводить много времени вместе, и это не утомляло меня, а наоборот, оживляло, наделяло энергией, окрыляло. Общение с иностранцем – это всегда интересный опыт. А общение с таким не похожим на меня, уникальным экзотиком – интересный опыт вдвойне. Мне было легко и уютно в его присутствии, а он заполнял собой допустимую долю моего времени: развлекал прогулками, возил в другие районы острова, знакомил с местной кухней. Он показывал мне все то, что самостоятельно успел изучить за пару месяцев работы здесь. Меня здорово отвлекало от тягучих воспоминаний и забот его нежное, ненавязчивое ухаживание.

Через пару недель после нашего знакомства я решила продлить визу еще на месяц, по условиям туризма – последний допустимый месяц, по истечению которого я обязана буду вылететь из страны. Я хотела задержаться здесь максимальное время, тем более что уже чувствовала улучшение своего душевного состояния. Для полного исцеления мне понадобится еще месяц, решила я.

Общение с Рики вскоре стало важной частью терапии. Оно действовало на меня целебно, а совместные путешествия стали ярче и продуктивнее. Он возил меня на дикие пляжи, где не было привычного балийского мусора. Вместе мы провожали заходящее в океан солнце, вместе мокли под водопадами, вместе спасались от шкодливых обезьян. Он смеялся над моей фобией пауков и гигантских тараканов, завидев которых, я впадала в ступор и сдавленно пищала. Иногда мы гуляли по лесу, и Рики карабкался по выпиленным уступам пальмы, добывая для меня кокосы. Я смотрела на него, как на дикаря, и веселилась от души. Затем мы сбивали палкой папайю или гуаву и усаживались на огромный банановый лист, словно на ковер, и, как первобытные аборигены, вкушали дары тропиков. Вечерами мы катались между плантациями риса и перца чили, покупали у дороги дурианы, смаковали смузи возле торговца фруктами и ужинали рисовыми десертами в придорожных варунгах. Я подсела на местный кофе и заправляла его концентратом здешней сгущенки, ведь мне все еще было непривычно обходиться без молока в этой специфической для гурмана стране. Я оценила по достоинству рисовую лапшу под острым соусом, а вот рисовые чипсы вовсе не пришлись мне по вкусу. Следуя советам Рики, я перепробовала множество уличных закусок, и благодаря такому напарнику, расшевелившему меня для жизни на острове и подарившему мне возможность стать его частью, познать его изнутри, вскоре я зажила совершенно по-новому.

Отдельным видом удовольствия была для меня скоростная езда на байке. Иногда я просила своего друга покатать меня по случайным улицам и трассам, где я отвлеченно подставляла лицо ветру, любуясь пейзажами и приветствуя встречные байки. Перемещение с места на место – это мое. Езда или полет – я обожала все, что уносило меня в даль.

Среди всех этих приключений настал и момент, когда мы с Рики стали ближе, чем друзья. Я не была влюблена в него, я была влюблена в этот остров. В Рики меня притягивали его экзотика и физическое совершенство, не более. Был ли он влюблен? Не думаю. Скорее, я тоже была для него своеобразной экзотикой, а заодно и приятным дополнением к рабочим будням на неродном острове, который он тоже скоро покинет, как и я. Мы понимали, что наш несмелый роман не будет иметь продолжения, и скоро мы разлетимся по разным точкам земного шара. И мы не сожалели об этом, не сговариваясь решив оставить всю романтику нашей мимолетной связи витать в терпком воздухе острова Бали.

Накануне дня моего отбытия мы провели ночь на одном из диких пляжей у подножия океана. Это была наша ночь прощания, а также ночь перед моим вступлением в новую жизнь. Мы наслаждались нашими телами и желали друг другу счастья. Для меня эта ночь была последним обрядом посвящения в тайну острова, телесно и духовно я слилась с верховным божеством и постигла истину и суть моего направления, которого мне предстоит придерживаться всю дальнейшую жизнь. Я обрела путь, следуя которому отныне моя жизнь будет наполнена любовью и нежностью к себе.

С острова я прилетела другим человеком. Ничто в жизни не способствует свершению трансформации надежнее и неизбежнее, чем долгое далекое путешествие. На все вокруг я смотрела уже другими глазами, ведь с этих пор я окончательно решила заниматься только тем, что я люблю, общаться только с теми, кто мне приятен, и никогда ничего не терпеть, не смиряться с ситуацией, не ждать, что все само образуется когда-нибудь и как-нибудь…

Спустя пару недель я поняла, что моя жизнь теперь навсегда связана с Индонезией, ведь я носила в себе ее частичку. Я готовилась стать матерью для уникального ребенка-полукровки, зачатого на берегу Индийского океана… У меня родится представитель сильнейшей расы на планете.

Когда я узнала о том, что ношу в себе ребенка, я ни минуты не сомневалась в том, чтобы оставить его в своем теле. Теперь уж наверняка моя жизнь не будет прежней, хоть и изменилась она не совсем так, как я того желала. Ребенок пришел в мою жизнь тогда, когда я меньше всего ждала его появления (по правде говоря, я уже и не ждала), но, видимо, это был отрезвляющий знак. Может быть, материнство поможет мне многое переосмыслить еще раз? Это событие имело для меня философский подтекст. Грядущие трудности одинокой матери вовсе не пугали меня (по крайней мере, на первых порах). Я верила в то, что этот ребенок послан мне судьбой как дар, как чья-то чужая несбывшаяся мечта, которая по неведомой причине и по прихоти провидения сбылась у меня, а моя собственная мечта о райской стране ознаменовывала собой появление на свет нового человека, к которому я приложу всю силу своей нерастраченной абсолютной любви.

Оскар родился в начале осени. У него были темно-карие глаза, смуглая кожа и черные волосы. Он был самым красивым младенцем роддома. С этого дня я стала матерью, и моя активная жизнь была поставлена на паузу. И с этого дня я приняла решение не лишать ребенка родины и по исполнению ему трехлетнего возраста насовсем перебраться в страну, которая стала нашей судьбой.

Глава 5

Глава пятая

Я стараюсь жить так, чтобы каждый мой день хотя бы в чем-то не походил на предыдущий. Разумеется, так или иначе все же вырабатывается определенный распорядок, не следовать которому просто невозможно. Даже любимая работа неминуемо становится рутиной, но рутиной приятной; даже обыденные дела я стараюсь насколько это возможно превращать в подарок дня или в подобие праздника. Канувший в небытие зловещий день сурка так и норовит отозваться эхом воспоминаний, и в своей теперешней новой жизни я не премину разбавлять милыми моментами любое событие, находить в каждом из них неповторимую прелесть, характерные особенности, неподражаемые черты, краски, нюансы и полутона, менять к ним свое отношение, а также угол рассмотрения, будь то выпитая чашка кофе за углом, или новый лосьон от загара, либо случайная орава детей, разбудившая шумом всю округу.

В списке моих привычек значатся приятные ритуалы, которые хоть и повторяются изо дня в день, но каждый раз вызывают во мне неподдельную радость и желание им следовать. К примеру, каждое утро я выпиваю два стакана воды с лимонным соком и ложкой меда. Этот напиток наполняет меня живительной силой и зарядом бодрости. Каждый день я стараюсь уделить хотя бы несколько минут расслаблению в подвесном кресле-коконе, отключению от внешнего мира, а также позволить потоку сторонней информации протекать в параллельном эфире. Еще одним видом приятной рутины для меня является утренняя зарядка с приседаниями, растяжкой и элементами йоги. Главное правило: никакого насилия, лишь легкое и непринужденное подбадривание.

В моем патио имеется уличный душ: кабинка с бочкой наверху, где нагревается солнцем заранее наполненная вода. Почти каждый вечер перед сном я охлаждаю теплой влагой свое разгоряченное тело после трудового дня или пляжных посиделок.

Раз в месяц я делаю маникюр у живущей неподалеку балийки, и это – особый ритуал. После такого ухода не только мои руки, но и вся я целиком чувствуем себя неотразимыми.

Моя дорога на работу пролегает мимо палатки Агуса – торговца фруктами, который по заказу еще и давит из них сок или взбивает смузи. Всякий раз я прошу его приготовить мне любимый смузи из гуавы, нарезать десерт из манго, подсыпать пару ложек сахара в кокосовое молочко или вовсе придумать что-нибудь авторское на свой вкус. Проворный Агус уже выучил мои нежные пристрастия и любезно спешит исполнить любой мой заказ, на лету хватая мое настроение и подыгрывая ему в унисон.

Чтобы вносить в распорядок что-то менее обыденное, я постоянно изобретаю новые ритуалы, которые затем как можно бережнее внедряю в обиход. Многие закрепляются и становятся частью меня, некоторые исчерпывают себя и незаметно улетучиваются. Главное – повторяю – ничего не делать насильно. Если что-то дается с превеликим трудом, что-то отторгается душой или телом, что-то мешает или кажется лишним и не имеющим смысла, то это «что-то» без сожаления отсеивается либо меняется на другое, более актуальное и, главное, - приятное, ибо мной было усвоено важнейшее наблюдение из практики: если даже во имя здоровья приходится переступать через себя, делая что-то крайне полезное, но малоприятное, то пользы от этого ждать не стоит. Проще говоря, ты рано или поздно забросишь эту затею, перегоришь, выбьешься из сил, если, конечно, не хочешь, чтобы твоя жизнь превратилась в громоздкую, непосильную ношу.

Как-то я пробовала медитировать посреди рабочего времени между клиентами, когда появлялось окно в графике. Медитации, несомненно, полезны для упорядочивания мыслей и равновесия психики, однако я подловила себя на том, что все же заставляю себя этим зани-

маться. Доля насилия над собой присутствовала, и я без угрызения совести прекратила эти практики.

А однажды я решилась заняться лечебным голоданием. Изучив всю достоверную и доступную информацию об этом аскетичном виде оздоровления организма, я принялась за дело, следуя инструкции книжного доктора. Меня хватило лишь на пару дней; дальше это превратилось в пытку. Я была осведомлена о побочных явлениях вроде головной боли и тошноты в первые несколько суток, но это было опять не мое… Я обладаю изрядной долей выносливости и ради дела готова потерпеть упреки и капризы организма, но избрала для себя другую методику очищения и оздоровления. Я предпочла умеренное правильное питание, которое бы не загрязняло и не отягощало мою пищеварительную систему, чтобы впоследствии ее не приходилось чистить таким варварским методом. И тогда голодание вовсе не требуется. Не сказать, чтобы я жаловалась на какие-то серьезные заболевания, вынуждавшие меня идти на такие кардинальные меры вроде полного отказа от пищи и перехода на воду и сырые фреши, однако я отношусь к той немногочисленной категории людей, для которых предупредить болезнь лучше, чем потом ее лечить.

Теперь на очереди – бег по утрам. Для занятий я заприметила узенькую полоску пешеходной аллеи вдоль береговой линии. Дальность маршрута мне пока неизвестна, но я буду полагаться на свои силы и прислушиваться к своему телу – оно само подскажет мне нужный темп и расстояние.

Сегодня, в первый день забега, я осилила три километра неспешного бега трусцой – так показал мой шагомер. Утреннее солнце не такое палящее, особенно под тентом из пальм, и я ощутила бодрящий прилив сил после пробежки. Интересно, на сколько хватит меня на этот раз?

Мой сын уже занимался с няней, поэтому наскоро приняв уличный душ и переодевшись, я отправилась на работу, попутно прихватив с собой любимый кокос с трубочкой. После физической тренировки это живительное молочко становится еще слаще и вкуснее!

Сегодняшний рабочий график вновь открывала новая клиентка, моя землячка. И снова лимфодренаж… Не назову этот вид массажа популярным, но он уже набирает свои очки по частоте.

- На дренаж приходят девочки без проблем с бедрами и без намека на целлюлит, - иронично констатировала я парадоксальный факт, рассматривая и ощупывая предложенное мне тело молодой красавицы. – Вы у меня такая упругая уже вторая, а это уже статистика!

Не дождавшись ответа от хозяйки этого прелестного тела, я перевела тему, озабоченно всматриваясь в явные гематомы на ее бедре и под ребром:

- Боже, какой же криворукий мастер делал вам массаж! Ведь вы сказали, что недавно были у другого массажиста, верно?

- Да, я только начала курс, - сконфуженно произнесла клиентка.

- На скольких сеансах вы были?

- На двух.

- Видите ли, обычно от лимфодренажа мелкие синячки рассеяны по всей площади, а у вас два обширных кровоподтека.

- Думаю, виноват не мастер, - поспешила оправдаться девушка. – Это моя кожа так отреагировала…

Я призадумалась. Что-то не похоже на правду то, что она говорит. Но будем думать, что и вправду мастер был криворук.

- Зачем вам массаж? – я принялась разогревать тело клиентки, вмазывая в него крем. – У вас практически нет целлюлита.

- Вы сами сказали: практически, - подловила меня она. – Значит, он есть!

- В той или иной степени он есть у всех женщин. Это генетика. У вас он в зародыше. И как только вы его разглядели?

- Не я, а муж, - поправила меня девушка. – Муж разглядел.

- Хотите сказать, это он вас послал на массаж?

- Нет… Я сама…

То, что она говорила, показалось мне странным. Видимо, я на дух не переношу мужчин, которые цепляются за невидимые недостатки у партнерши. Здесь явно не обошлось без этого. Я сделала попытку нежно помассировать ее кровоподтек на бедре, но она напряглась и взвыла, сжав зубы и стараясь этим добиться более глухого звука. Мне пришлось отдернуть руки и обходить эту болезненную зону стороной.

- Вы слишком напряжены, - я максимально смягчила тон голоса, чтобы она доверилась мне и поддалась. – Поделитесь со мной тем, что вас беспокоит. Это поможет вам расслабиться. Расслабление – важное условие массажа. Сделайтесь пластилиновой.

- Ничего не беспокоит…

- Я же вижу, - ее напряжение мешало моей работе. Мои чуткие руки улавливали любые спазмы мышц. – Расскажите!

Пока я плавно усиливала воздействие своих рук на ее тело, она, казалось, замешкалась, не решаясь поделиться со мной причиной своего деревянного тонуса. Было что-то, что распирало ее изнутри, переполняло ее, но она словно не была уверена, стоит ли это предавать огласке. Я уже хотела отказаться от своей идеи выудить у нее что-то личное и даже извиниться за неуместное любопытство и бестактность, но она перебила мое намерение:

- Муж – любитель адреналина. Скалолазание, прыжки с тарзанки, а сейчас вот привез меня сюда для дайвинга… Возьмет экипировку напрокат… Я терпеть не могу экстрим, боюсь всех этих штучек, но он настаивает на том, чтобы я ныряла вместе с ним…

- Вот оно что! – меня все больше настораживала эта история. – А сказать ему «нет» не пробовали?

Пока моя клиентка соображала, что бы такое ответить на столь каверзный вопрос, который явно застал ее врасплох, дверь моего кабинета резко распахнулась, и внутрь влетел мужчина с хищным ищущим взглядом. Между всеми нами ненадолго повисла неловкая пауза. По встречному испуганному взгляду девушки на моем рабочем столе я поняла, что это и есть тот самый муж, о котором мы только что беседовали.

- Пришел проверить, как ты здесь, - буркнул он, оценивая бегающими глазками обустройство моего кабинета, меня саму и, конечно же, положение своей жены на массажном столе.

- Ты же видишь, все в порядке, - пролепетала моя клиентка и еще больше напряглась.

Он напоминал мне ревнивого горе-супруга, готовившегося застать жену здесь с любовником, но с досадой убедившегося, что он ошибся. Я ни на секунду не прерывала работу, своим невозмутимым видом давая понять нерадивому ревнивцу, что его присутствие здесь неуместно.

- Снаряжение уже внизу, - напомнил он. – Жду тебя, дорогая.

Моя клиентка напряглась еще сильнее. Мои руки ощущали эту непробиваемую компрессию ее мышц, улавливали ее настроение по импульсам ее тела. Это была настоящая реакция сопротивления, которую, может быть, она и пыталась незаметно скрыть, но безуспешно. Мне стало жаль ее. Я посчитала своим долгом внести свою лепту в эти явно нездоровые отношения:

- Постойте! – обратилась я к ее мужу. – Мне кажется, ваша жена не изъявляет желания лезть с вами в воду!

Девушка по-прежнему скованно молчала, а ее муж одарил меня таким уничтожающим взором, будто хотел впрыснуть в меня смертельную дозу яда, чтобы убить сию секунду. Но меня это нисколько не испугало, а скорее прояснило суть этой нехорошей ситуации, что еще больше подзадорило к отстаиванию своей точки зрения.

- Это она вам сказала? – изрыгнул он драконьим пламенем.

- Нет, - я смело решила отстоять права девушки, явно попавшей в переплет. – Это видно и так.

- А вы не вмешивайтесь! Ваше дело – массаж, - властно попытался он поставить меня на место.

- Я рекомендую вам дорожить вашей супругой, ведь при экстремальных условиях вы можете потерять ее, - я решила надавить на его больное место, догадываясь, что подобные личности обычно боятся утратить контроль над своей жертвой, а то и саму жертву. – А риски несчастного случая возрастают, когда человека силой заставляют совершать то, чего он не хочет или боится.

Но мои слова произвели на него мало эффекта – слишком силен оказался деспот.

- Я плачу деньги, и я решаю, как мы отдыхаем, - поставил он точку в нашем диалоге и скрылся, хлопнув дверью.

Теперь мне стало окончательно ясно, в чем его сила – в деньгах! Это действительно мощный метод воздействия и шантажа, если жертва не обладает равнозначным козырем. Теперь понятно, почему ей так сложно дать отпор. Мне вновь захотелось вмешаться:

- Ваш муж – абьюзер! Разве вы сами не видите?

- Нет, он очень хороший и чуткий! – спешила оправдаться она. – Я не представляю, что бы со мной было, если бы не он! Однажды он спас меня!..

- И после этого вообразил, что имеет над вами пожизненную власть? Бегите от него!

- Я не могу без него! Я люблю его!

Я еще раз обдала взглядом ее тело, жирно намазанное кремом и ожидавшее массажа, который в любом случае не имел уже никакого смысла. Мы обе знали об этом.

- Не думайте, что я поверила в то, что гематомы на вашем теле – результат массажа. Если вам нужна помощь, можете обратиться ко мне, - прибавила я, самозабвенно готовая встать на защиту ее женских прав как истая феминистка и человек с открытым и чутким сердцем.

- Все хорошо, уверяю вас, - она поднялась со стола и принялась поспешно одеваться, хотя сеанс был еще в самом разгаре. Она пристыженно отвернулась и в тысячный раз приняла свою судьбу. – У нас все хорошо. Мне пора. Он ждет. Простите за мою откровенность.

Я с сожалением проводила ее глазами. Спасение утопающего не совершено руками самого утопающего. Если жертва не хочет быть спасенной, значит, я вынуждена бессильно опустить руки и не лезть в чужое дело.

Только что передо мной была разыграна сцена созависимых отношений. А точнее, не разыграна, а прожита в ярчайшем ее проявлении. Жена, которая не в силах уйти от мужа-тирана, потому что ввиду ее ментальной незрелости не может обходиться без «опекуна», подвергшего ее психологической и финансовой зависимости, лишившего всякой воли к самостоятельности и отнявшего базовые права на самоопределение, а также внушившего ее шаткому разуму умопоглощающую идею, что кроме него она больше никому не нужна и вовсе ничего не стоит, что она – лишь жалкое ничтожество, чей удел – беспрекословно служить своему господину и благодетелю. На основании святой веры в такого бога-самца зреет религия слепой покорности, всецелого принадлежания и больной любви.

Муж, не способный лишиться лакомого объекта – подлинно любящей овечки, упивающийся своим величием и самореализующийся в своей ипостаси идола, диктующий свою религию подчинения. Абьюзер, сошедший с ума от властолюбия и вседозволенности, в рукавах которого полно козырей на любой промах, в то же время ревнивый и до жути боящийся упустить жертву из поля влияния, при этом обнажив свое трусливое нарциссическое нутро и опухолеобразный комплекс неполноценности, за которым, как правило, скрываются пустота и бессилие.

И оба этих несчастных типа зависят друг от друга, только один остается в профиците, подпитываясь энергией другого и выстраивая из этого свою подлую личность, а второй живет в вечном дефиците моральных сил, скованный капканом по рукам и ногам и не верящий в вероятность достойной жизни для такого заморыша, как он сам. Как подобает в таких случаях, эти оба любят друг друга, либо же верят, что любят. Больная любовь – неплохое прикрытие для поддержания таких отношений и отмазка для тех, кто ненароком упрекнет их в ненормальности или покусится на их ненатуральность, ибо, почуяв неладное, все можно списать на любовь.

Всякий раз во мне отдается болью лицезрение подобных ситуаций, где мне всегда хочется защитить жертву и отомстить обидчику. Несправедливо, когда кто-то, возомнивший себя богом, подавляет волю другого, чтобы самоутвердиться или потворствовать своим извращенным наклонностям, при этом не неся за это наказания. Нехорошо и жертве пассивно позволять собой манипулировать и не пытаться противостоять насильнику, не принимать сторонней помощи и не искать лазейку из создавшегося хаоса.

Я не выношу насилия как по отношению к себе самой, так и к другим. Вся моя сущность восстает при малейшем проявлении угнетения личности, я стараюсь немедленно в зародыше гасить искорку чьего-то ярого преобладания над кем-то, чтобы успеть затушить диктат, пока он еще не разгорелся смертоносным пламенем и его уже было не остановить. Я берегу свою личность от влияния чужой воли и стремлюсь приходить на помощь тем, кто слеп перед враждебными чарами, чья судьба украдена злоумышленником и навязана новая система мышления и образа жизни, чуждые этому влекомому поглотителю лживых внушений.

Но так было не всегда…

Я была очень податливой и уязвимой, когда мне было двадцать пять. Год заката юности, веха заживления родничка наивности в девичьей головке. Хорошо, когда он зарастает естественным путем в здоровых условиях, а еще лучше, когда он затвердевает, как защитный панцирь, и в дальнейшем служит надежным щитом против ошибок судьбы. К сожалению, у меня не было этих здоровых условий, и для скорейшего зарастания родничка наивности судьбе потребовалось как следует набить на нем шишек.

Для гармоничного развития девочке в детстве требуется воспитание отца. Именно воспитание, а не просто присутствие. У меня не было ни того, ни другого. Недостаток мужского воспитания послужил очень плодородной почвой для опрометчивых ошибок юности. Отсутствие отца было моей главной детской травмой. Может быть, нищета в детстве не казалась бы настолько угнетающей, если бы рядом был папа. Я не спотыкалась бы бесчисленное количество раз о множество недостойных мужчин и все-таки вышла бы замуж за любимого человека, если бы рядом был папа.

В том, что у меня не было отца, нет вины моей матери. Он сам отказался от нас, выставил нас за дверь ни с чем, после чего мы вынуждены были скитаться и начинать жизнь с нуля. Он не знал, насколько мне его не хватало, не думал о том, что я могу испытывать потребность в нем как в родителе, ведь мать, какой бы хорошей она ни была, не сможет заменить отца. Мое детство с перекосом в воспитании заложило неблагоприятную основу для взрослой жизни, а каждый мой последующий просчет напоминал мне о предательстве отца, ведь если бы он был рядом, я бы точно не вляпалась в очередную историю. Я испытывала двойственные чувства по отношению к отцу: потребность в нем и ненависть к нему. Я ненавидела его за это предательство. Когда он отказался от меня, он словно стер меня с лица земли. Я была уязвима и ранима, долго считая себя недостойной и ничтожной, раз от меня так просто можно было взять и отказаться. Он меня бросил, а мне пришлось годами поднимать самооценку и заявлять о себе как о человеке, который тоже имеет право на жизнь.

В двадцать пять лет я все еще работала в курьерской службе. Наше предприятие ставило на нас, рядовых работниках, эксперименты и внедряло новшества, тестируя на нас результаты

работы. Вскоре мы стали самым настоящим магазином на колесах и затмили собой похожих конкурентов. Мой маршрут был самым прибыльным и масштабным по длительности пути и объему работы, моя зарплата стала самой высокой среди зарплат моих коллег-женщин, а я была на хорошем счету у руководства. Именно поэтому мне в пару приставили бывалого и опытного напарника – шофера, который знал дело и понимал меня с полуслова. Мы самозабвенно и слаженно трудились в тандеме и знали специфику работы как свои пять пальцев.

Поначалу я с удовольствием ходила на работу, подпитываясь словесными поощрениями и дополнительными премиями за расширенный характер экспериментального труда. Всегда приятно, когда тебя ценят и считают незаменимым работником. Это ценная пища для честолюбия, которое первое время даже затмевает собой все еще скудную зарплату. Востребованность тебя как рабочей единицы неимоверно льстит и временно зажигает рабочий азарт, особенно если ты добился всего усердием и желанием преуспеть.

Часто бывает так, что если двое проводят большую часть светового дня вместе, если их цели направлены в одно русло, если они оказывают друг другу взаимопомощь и имеют какие-либо общие интересы, то между ними возникает что-то, что можно назвать родством душ. Так произошло у нас с коллегой. Мы сроднились друг с другом спустя несколько недель совместной работы и стали друг другу ближе, чем рядовые сослуживцы или приятели. Мой напарник был вдвое старше меня и годился мне в отцы, поэтому моя истосковавшаяся душа нашла в нем подходящего претендента на его роль. Я инстинктивно испытывала к нему дочерние чувства. Всю жизнь мне так не хватало отцовского тепла и покровительства, защиты и любви, а все эти качества так заботливо и умело восполнял мой напарник… Я разглядела в нем «папочку» и подсознательно льнула к нему, ища душевной поддержки, как голодный и слепой котенок, пригревшийся у ног тигра.

В свою очередь мой коллега тоже воспылал ко мне чувством, как мне показалось, отцовским. Он помогал мне в работе, кормил меня своим обедом, если видел, что я голодна, включал в машине печку, когда я дрожала от холода, застегивал пуговицы на моей куртке, если я о них забывала, переживал, что я заболею, если моя шапка была недостаточно прочна. Он трогательно и вовлеченно ухаживал за мной, будто я его дочь – самый родной человек на земле. Ему нравилось, что я охотно принимала подобные ухаживания, оказывая ему этим большую честь. В то же время я успевала насладиться обществом новоприобретенного отца.

Несмотря на то, что у него уже была своя настоящая дочь, его все равно тянуло ко мне. Видимо, он нашел в моем лице вторую дочь. Мне показалось это немного странным, ведь здесь мы были не на равных: его отцовские чувства были утолены, тогда как мои дочерние – нет. Если бы у него не было детей, то я бы приняла его тягу ко мне за родительский инстинкт, прорвавшийся наружу и излившийся нерастраченной любовью. Но он уже являлся отцом, а значит, его чувство явно целиком зародилось благодаря общей работе, сплотившей нас. Мы были слишком близки, чтобы продолжать оставаться чужими. Так или иначе, людей роднит общее дело. Вот только некоторых оно роднит через край…

Вскоре мы стали близкими не только в рабочее время. Мой напарник не был женат, поэтому доступ в его дом был открыт для меня круглосуточно. С его дочерью, которая была на три года моложе меня, мы стали подругами. На выходных мы собирались всей компанией и проводили время вместе, идя в кино или кафе. Иногда он заглядывал ко мне на обед или ужин и был между делом даже представлен моей матери. Мы были на связи в любое время дня и ночи, а однажды, когда он лежал в больнице после сердечного приступа, я каждый день навещала его. Он возил мне фрукты в клинику, когда я восстанавливалась после операции на глазах. Мы принимали участие во всех аспектах жизни друг друга, и все постепенно перестало быть тайной для нас обоих. Не было больше ничего, чего бы мы не знали друг о друге. Мы слушали одинаковую музыку, даже несмотря на разность поколений (я жутко любила ретро и диско); мы любили одинаковую еду, не сговариваясь о вкусах; мы были друзьями, и даже

больше – астральными родственниками, кармическими отцом и дочерью. Меня это радовало и одновременно пугало, особенно, когда он обмолвился, что любит меня больше, чем родную дочь…

И все же когда рядом с седовласым, но еще не старым мужчиной так часто мелькает молодая и привлекательная девушка, а его задремавшее, но не умершее мужское естество давно заскучало по женской ласке, задорному смеху и милой улыбке, происходит то, что неминуемо произошло и у нас… Его волосы поседели, его фигура обрюзгла и располнела, одевался он постариковски, ведь он был стандартным мужичком за пятьдесят, от которого лет двадцать назад ушла жена, и за все это время у него не было женщины. Он давно перестал следить за собой и забыл, как ухаживать за девушками. Он давно привык жить один, никому не нужный, ведь молодость уже далеко позади, а взрослая дочь уже построила свою семью.

И вот судьба сталкивает его со мной. Первое время он думал, что испытывает ко мне знакомые отцовские чувства, стыдясь признаться и мне, и даже самому себе, что это чувства совсем иного рода. Моя молодость, мое лоснящееся на солнце тело, моя упругая кожа, мои живые глаза, мой еще детский смех, мой звонкий голос, мое умение смачно хрустеть яблоками – все это очаровало и покорило его, оживило и заставило воскреснуть из пут наседающей старости. Он вдруг осознал, что вовсе не стар и еще способен радоваться жизни. Вдохновленный моей юной свежестью, он ожил заново и поверил в то, что достоин быть счастливым.

Каждый день я замечала в нем изменения: его шутки становились острее, его гардероб пополнялся модными штучками, его прежняя угрюмость сменилась постоянным бравым настроем, его обувь стала чище и опрятнее, его нафталиновый прогорклый амбре сменился едва ощутимым, ненавязчивым парфюмом, в его речах ненароком проскакивал молодежный сленг, тон его голоса стал более глубоким и деловитым, его беспорядочная щетина обрела брутальное обрамление, на его шее теперь красовалась золотая цепочка, а в обществе коллег он вел себя раскованнее и круче, стараясь быть наравне с молодым поколением. Порой я стала забывать, сколько ему лет, и принимать его за ровесника.

Меня удивляла эта трансформация. Я отказывалась верить своим догадкам, гнала прочь мысли о том, что он просто пытается мне понравиться. Я списывала это на положительный эффект от заразительного влияния моей молодости, надеясь, что просто поднимаю потухшему человеку настроение, боевой дух. В то, что я могу всерьез нравиться ему как женщина и будить в нем страстные желания, я отказывалась верить. Он годится мне в отцы, он не имеет права претендовать на меня, не имеет привилегии испытывать ко мне недозволенные, нескромные чувства. В конце концов, если в нем есть хоть какое-то понятие о приличиях и совести, он должен держать себя в руках и не забывать о том, кто он и кто я.

Вскоре очевидные изменения не остались незамеченными и в рабочем коллективе. Стоя в сторонке, я слышала собственными ушами, какими недвусмысленными комплиментами его одаривали коллеги. Его похвалили за то, что он помолодел, посвежел и выглядит как огурчик. На вопрос, что послужило причиной столь разительной метаморфозы, он уклончиво переводил тему и загадочно улыбался. Но не трудно было догадаться, что или кто заставлял его лететь на службу на крыльях любви, которые уже вырисовывались за спиной. Только слепой не заметил бы его пылкие взгляды в мою сторону.

Он не решался признаться мне в очевидном, а я до последнего надеялась, что мне и всем остальным только кажется, что он влюблен. Может, мы все преувеличили? Это выглядело невероятным и даже противоестественным. А я не представляла, что буду делать с этой любовью, если он все же признается мне в ней.

И он признался. Внезапно. В разгаре рабочего дня, когда моя голова была забита делами:

- Я не решался тебе сказать… Но я подумал, а чем я хуже? Да, ты молода. Если бы ты родилась лет на десять раньше, то мне бы не пришлось сейчас так краснеть… Но меня уже не

пугает твой возраст, я к нему привык. Я хочу сказать, что люблю тебя! И делай с этим, что хочешь!

Его признание легло на мои плечи тяжким грузом. Черт, он все изгадил… Его любовь была здесь совсем не к месту. Лучше бы он молчал…

- Хочешь сказать, что если бы мне было тридцать пять, то ты был бы смелее?

- Да. Но теперь мне даже нравится твой возраст… Сначала меня это напугало, но я передумал… Для меня возраст не имеет значения!

- Зато для меня имеет! – я была огорошена. – Извини, я правда не хочу портить нашу дружбу, но я к тебе отношусь как к отцу. Если ты ищешь взаимности, то я тебя разочарую.

- Я так и знал, - он заметно приуныл. – Я все понимаю… Это ты прости меня, старика. Я схожу с ума…

- Забудем этот разговор.

Казалось, что в этом курьезе была поставлена точка, но на самом деле все только начиналось. Своим отказом я разожгла огонь его страсти вдвое.

Напрасно я питала надежду, что после его неловкого признания все встанет на свои места: мы, как и прежде, будем сплоченными напарниками и, несмотря на глупость, проскочившую невзначай, мы сохраним дистанцию между нами и договоримся больше не переступать допустимую черту. Но с того дня все пошло наперекосяк. Мой напарник был категорически не согласен упускать свой мифический шанс. Более того, он самовольно решил играть по своим безумным правилам…

Уже назавтра, явившись на работу, я ловила на себе многозначительные взгляды коллег. Я была в центре внимания, но не совсем понимала, по какой же причине. Об этом мне пришлось разузнать у своего напарника, который необычайно цвел и благоухал и даже, как мне показалось, принимал поздравления.

Оказалось, он объявил всем, будто мы встречаемся и любим друг друга.

- Какого черта ты это придумал? – зашипела я, когда мы оказались наедине.

- Я устал от всех скрывать.

- Что скрывать? Между нами ничего нет!

- Пока нет, но будет. Я верю, что у нас все получится. Ты сказала, что у тебя чувство как к отцу, но мне так не кажется. Признайся: ты в меня тоже влюбилась!

- Что? – я не верила своим ушам. – Это не так. Не выдумывай!

- Ты сама себя не понимаешь, но я-то вижу!

- Я прошу тебя все это прекратить! Я не влюбилась в тебя, и ничего у нас не получится! И перестань всем об этом рассказывать!

- Я хоть и старше тебя, но я еще в расцвете сил. Присмотрись ко мне! У нас обязательно все получится. Я влюбился так сильно первый раз и не упущу свою женщину! – от волнения и сердечной немощи его голос превратился в старческий хрип, а запах из зловонного рта говорил о том, что ему пора бы принять валидол.

Когда я поняла, что веду беседу с умалишенным, я смолкла. Бесполезно было что-либо говорить. Мой верный напарник оказался больным на голову старым подлецом, а я ощутила себя в западне. Что же делать? Любые доводы в противовес его убежденности не работали и даже будили в нем внутреннего беса.

С этих пор он стал опасен для меня. Проявилась его доселе незнакомая сущность, раздвоилась личность, которую, как я думала, я изучила вдоль и поперек. Больше не было того добренького дяденьки, заботливо опекавшего меня и сдувавшего с меня каждую пылинку. Ему на замену пришел неумолимо нацеленный старый извращенец с комплексом нереализованного, не обласканного мужлана, который почуял в себе буйную тупую мощь и пьяный кураж.

Очень важной частью его одиночной игры была публичность. Он уперто решил, что о том, что бес ударил ему в ребро и он встретил любовь всей жизни, должны были знать абсо-

лютно все. Чем больше свидетелей, тем больше спеси, лоска, гордыни и хвастовства. Нужно было, чтобы все были в курсе этого необычайного феномена: простой шофер был покорен красотой и молодостью девушки и влюбился, вновь став мальчишкой на шестом десятке. Нужно было, чтобы все ему завидовали: старый лысеющий холостяк купается во взаимной любви молоденькой нимфы, которая непременно без ума от своего возрастного Орфея.

Для него это был звездный час:

- Я нашел себе молодую! И женюсь на ней! Скоро у меня будет молодая жена! А попробуйте вы так!

Подобные фразы, как пирожки, разлетались по ушам жадной до сплетен публики. Вот только желаемого эффекта они не производили: вместо зависти были насмешки, вместо сенсации – удивление, вместо понимания – осуждение. Людей не обманешь. Им было жаль потерявшего голову коллегу. Он был смешон со стороны, его хотелось обнять и пожалеть, но его воспаленный разум искаженно воспринимал такую реакцию. Ему казалось, что все ему завидуют, что он крут и неотразим и что все сражены его смелостью и везением.

Вскоре его гнусная выдумка стала ходячей из уст в уста сплетней, притчей во языцех, а любые мои увещевания прекратить этот дикий фарс не только не имели силы, но и разжигали в моем напарнике еще больше агрессии. Мои мольбы о молчании были бесполезны: молва со скоростью телеграфа разлетелась по всем кабинетам и инстанциям нашей фирмы и даже дошла до руководства. Только ленивый не обсуждал новость сезона, охая и вздыхая от ажиотажа событий и вдобавок присочиняя новые подробности, благодаря которым эта уродливая история обрастала пикантными деталями, о которых я случайно узнавала из сводки новостей испорченного телефона.

Вначале я попыталась спустить все на самотек, просто махнуть рукой, ведь на обезумевшего мужчину с кризисом среднего возраста, начинавшейся деменцией и воскресшим либидо не действовали никакие уговоры. Моя репутация меня не волновала, а сплетни за спиной – это итог отнюдь не моей ошибки. Почему мне должно быть стыдно за чужую болтливость, тем более что окружающие люди и так понимали суть? Я пробовала не обращать внимание и продолжать заниматься своим делом, ради которого я приходила на работу. Но соблюдать такую дистанцию не получилось…

Наш мнимый роман, который без моего ведома закрутил мой напарник, нуждался в подпитке. Ему было мало просто судачить об этом, он хотел осуществить свою затею. Создать видимость и разыграть спектакль без реального содержимого лишало смысла его безумный план. Мелкими шагами, постепенно подводя меня к согласию, он склонял меня к близости и все так же внушал мне, будто я его тоже люблю, но боюсь в этом сознаться.

Изо дня в день он правдами и неправдами пытался соблазнить меня, донимал похотливыми намеками, предлагал руку и сердце, желая поскорее соединить наши судьбы и доказать завистникам и гадким сплетникам, что это настоящая и чистая любовь (а не то, что они подумали). Когда же он встречал мой твердый отказ и натыкался на просьбу образумиться, он менялся на глазах: из влюбленного тщедушного мужичка, сыплющего любовными признаниями и тающего в собственных жалких страстях, вырастал жестокий тиран, плюющийся проклятиями и угрозами. Его рыхлое обрюзгшее лицо багровело, глаза наливались кровью, голос отдавал металлическим лязгом, слова замещались бранью, движения становились резкими и неконтролируемыми, и весь он превращался в фурию. Его было не узнать.

Он помешался на идее-фикс во что бы то ни стало сделать меня своей молодой женой, чтобы придать себе эфемерный статус еще не списанного со счетов полноценного мужчины, которого по достоинству оценила молодая девушка. Он решил бороться до конца, не принимать мой отказ, считать блажью мою упертость, стремиться во что бы то ни стало подчинить мою волю своему ненасытному, зверскому желанию. Он осознавал, что это насилие, но шел на это, шел сломя голову, оторванный от реальности, с разъяренным упорством. Его больное

воображение по-своему трактовало мои чувства и теперь не приемлило отказа. Любой ценой цель будет достигнута – этим лозунгом он грезил во сне и наяву.

Порой он был настолько агрессивен и невменяем, что я боялась за свою жизнь: в порыве гнева и непринятия он вполне мог не справиться с управлением, и мы рисковали попасть в аварию. Работа с ним становилась экстремальной для нас обоих.

Любые мои методы достучаться до его рассудка и заставить принять данность неумолимой правды жестоко отвергались, поэтому я старалась вести себя тихо, не будя лишний раз новую бурю ярости. Я не перечила ему, а мое молчание он считывал за согласие. Ситуация приобретала опасные масштабы. Мне пришлось избрать тактику пассивного поведения с сумасшедшим, чтобы хоть как-то обезопасить себя от агрессии.

Вскоре он разболтал всем, будто мы живем вместе, и я согласилась стать его женой. Он даже купил два обручальных кольца, одно из которых одел на свой палец, а второе попытался презентовать мне. Я не приняла его подарок, но это, конечно же, не остановило его. Он демонстративно сверкал золотом перед изумленными коллегами и хвастался, будто помолвка состоялась. До чего же вопрошало всеобщее любопытство, ведь на моем пальце кольца не было! Он лишь смущенно выкрутился, будто я стесняюсь его носить.

«Смущенная невеста» - так нарекли меня сослуживцы, ехидно посмеиваясь то ли над моим непутевым напарником, то ли над незавидной ситуацией, в которую я угодила.

Только вот мне было вовсе не до смеха. Эта ситуация была сродни цирку для окружающих, но никто не знал, не догадывался, что в это время чувствовала я. На то, как он пытался парализовать мою волю, я не могла не обращать внимание. Это приобретало все новые величины: вечерами он дежурил в моем дворе, не оставляя меня в покое ни на минуту. В полутьме вечера я узнавала очертания его машины, в которой он ютился, несчастный сталкер, должно быть, пялясь на свет в моем окне.

Этот нездоровый фанатизм пугал меня все сильнее. Он терпеливо выжидал, когда же я, наконец, сдамся и уступлю его поглощающей силе. Все условия были подготовлены: свидетелей хватает, кольца куплены. Осталось дело за малым: мое строптивое согласие. Он атаковал меня со всех сторон, не давая пути к отступлению.

Я испытывала оправданную тревогу. Иногда мне казалось, что он вполне способен меня убить, если еще хоть раз услышит от меня слово «нет».

Недолго думая, я решилась обратиться за помощью к руководству, но мои жалобы были осмеяны и приняты за девичьи капризы. Никто не повел и ухом, посчитав, что я все выдумала либо преувеличила.

Узнав, что я жаловалась на него, мой напарник пригрозил, что подстроит мне очень серьезные неприятности, из-за которых я, вероятно, лишусь работы. Это был пока еще довольно весомый аргумент для того, чтобы я замолчала и прекратила ходить «наверх». Я до последнего не хотела потерять работу из-за козней распоясавшегося коллеги. Утрата работы казалась мне тогда немыслимой катастрофой.

Я была зажата тисками страха и безвыходности, пока мои коллеги постепенно начинали верить в то, что у нас и правда роман. Мнения разделились: кто-то недоумевал, что же я нашла в зрелом ожиревшем и малосимпатичном мужчине (к тому же, алкоголике в завязке), почему прицепилась именно к нему, ведь вокруг полно молодых парней; кто-то в меру своей испорченности полагал, что я с ним из-за денег; кто-то считал меня извращенкой и любительницей стариков. Но никто не знал правды. А я не оглашала правду, не спеша перед всеми оправдываться и зная, что я в заложниках у безумного фанатика.

Тем временем каждый новый рабочий день с ним наедине меня все больше морально истощал. Я жадно искала выход из этого дурацкого положения, в которое так сумбурно была вовлечена чужой силой. В конце концов, я подвергалась психологическому насилию и опаса-

лась за свою жизнь. С этим пора было заканчивать и, как я уже догадывалась, вряд ли удастся покончить с этим без потерь.

Пусковым крючком к отчаянным действиям послужила его попытка силой овладеть мной физически. Он добавил к своей тактике решительных действий еще и домогательства, чтобы уломать меня быстрее. Автомобиль шел на медленном ходу по одинокой проселочной дороге, поэтому, выскочив из кабины во время движения, я отделалась лишь слабым вывихом ноги. По уши в пыли я доковыляла до населенной сельской улицы, где вынуждена была внять заверениям своего подоспевшего шофера-мерзавца вести себя тихо и не поднимать панику. Едва отбившись от его приставаний и с горем пополам дождавшись завершения рабочего дня, я была убеждена, что больше не явлюсь на эту работу. Я уволюсь, потеряю работу, останусь без средств, но избавлюсь от этого психопата! Лучше так, чем стать жертвой насильника и продолжать терпеть издевательства!

О своем решении я сообщила по телефону. Меня отказывались увольнять, ссылаясь на спонтанность решения, обязательства контракта и правила отработки. Я заявила о насилии и об отказе выходить на работу: раньше никто не слышал меня – теперь никого не желала слышать я. Мне удалось настоять на своем под угрозами последствий и взысканий; я вытерпела все, но была победоносно уволена.

Избавиться от работы – это только полдела. Мой преследователь продолжал охотиться за мной возле дома. Несколько дней я не покидала убежища, даже зная, что его нет снаружи. Моя паранойя нашептывала мне, что он обладает сверхспособностью появляться из ниоткуда, даже из воздуха, а я больше не желала лицезреть его мерзкую физиономию. Собрав остаток накоплений, я смогла снять жилье по другому адресу в дальнем районе города, хотя бы на пару месяцев, лишь бы все утихло, и он забыл дорогу к моему дому.

Лишь въехав в новую квартиру, я смогла, наконец, прийти в себя и успокоиться. Здесь он точно меня не найдет. Здесь я смогла опомниться и отпустить накипевшие эмоции, поэтому несколько дней подряд ревела, гася стресс. Дело было сделано. Из-за этого полоумного психа я потеряла источник дохода, но зато оградила свою личность от посягательств. Работу можно найти новую, а вот себя я рисковала потерять безвозвратно.

И наступила тишина. Мой телефон молчал. Номер этого маньяка был заблокирован, а иные звонки я судорожно игнорировала. Звонок в мою квартиру был отключен на всякий случай, хотя это было уже лишним. Никто не знал моего нового адреса, даже мать.

Спустя неделю из надежного источника, связывавшего меня с прежней работой, я узнала, что мой душегуб пустился в алкогольные возлияния и уже несколько дней не появлялся на работе. Он в бешенстве разыскивал меня, однако, когда это оказалось безуспешным, ушел в запой. Он окончательно помешался на мне и больше не представлял жизни без меня.

Еще через пару недель надежный источник доложил мне, что у моего бывшего напарника случился инфаркт, и он пребывает в коме. Дело, по-видимому, серьезное, но я приняла выжидательную позицию. Мне по-прежнему было боязно вылезать из укрытия.

Не знаю, сколько бы еще я просидела в своем убежище, но спустя месяц все само разрешилось. Мне поступило сообщение от его дочери с лаконичной просьбой прийти проводить ее отца в последний путь…

Вначале я не поверила своим глазам, пробежавшим этот краткий текст несколько раз. Уж не померещилось ли мне? Неужели?..

Надежный источник информировал меня о правдивости моей догадки. Мой горе-напарник скончался в больнице от обширного инфаркта…

Однако пока я своими глазами не увижу его в гробу, я не поверю! Я ни за что не поверю в то, что этакий гадкий червь больше не точит эту землю! Как правило, именно такие изверги держатся до последнего и живут долго, тогда как праведники быстро сдаются и угасают. В день похорон я приблизилась к его дому и издали исподтишка наблюдала процессию. Это было

правдой. Хоронили действительно его! Это не блеф, его действительно больше нет, он больше не травит мир своим смрадом! В гробу в самом деле лежал он, позеленевший и осунувшийся, я в этом не сомневалась. Почему это было для меня настолько неправдоподобно? Потому что он вполне был способен подстроить свою смерть, чтобы выманить меня для встречи! Изучив его вдоль и поперек, я знала наверняка, на что была способна его больная фантазия!

Когда он, наконец, издох, я испытала облегчение. Теперь можно было дышать свободно. Никто не смог бы понять моих чувств и осудить меня за кощунственное ликование по поводу чужой смерти, если бы не знал, что я пережила в невидимом плену у этого извращенца. Полгода он преследовал меня, не позволяя мне жить спокойно даже у себя дома.

Теперь я могла без страха и опаски выходить на улицу, вернуться к себе домой, заново радоваться восходящему каждое утро солнцу и острее чувствовать в себе биение жизни, ведь моего мучителя больше нет, а я есть, и я жива!

Позднее я узнала, что весь мой бывший коллектив обвиняет меня в преждевременной кончине их бедного коллеги, полагая, что он умер от любви, что его сердце не выдержало моего предательства и остановилось, разбитое и поверженное. Когда я услышала эту романтичную версию, достойную пера поэта, я возрадовалась, что уволилась с этой работы и больше не окружена равнодушными людьми-зомби, коллегами-циниками. Я не желала иметь с ними ничего общего.

Таким образом стечение на редкость удачных обстоятельств избавило меня от абьюзера. В моем случае меня выручила его внезапная смерть. Не знаю, как бы эта история разрешилась иначе, если бы он оставался в живых.

Быть жертвой означает быть изгоем в среде человекообразных существ. В ту пору я досконально усвоила, что мир мужчин состоит из жестокости и насилия, где первое почему-то не подлежит осуждению, а второе почему-то не преследуется по закону и не считается ненормальным, противоестественным. Никто из моих коллег не заступился за меня тогда, никто не поверил в то, что я попала в беду. Женщины лишь бессильно пожимали плечами в сторонке, а мужчины сочли все выдумкой, ведь для них я была сопливой стервочкой, юной и импульсивной бессовестной кокеткой, тогда как мой истязатель и преследователь – настоящий человек-кремень, который за всю жизнь и мухи не обидел. То, что скрывалось за кулисами, было не в счет, а мои жалобы представлялись лютой напраслиной, которой я очерняла святого человека…